

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ЧЕМ ЧЕРТ
НЕ ШУТИТ

Алексей Калугин

Чем черт не шутит

Серия «Между адом и раем», книга 3

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633215
Чем черт не шутит: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50149-6*

Аннотация

Давно прошли времена, когда частный детектив Дмитрий Каштаков в одиночку справлялся со своей работой. Его партнеры-демоны Анс Гамигин и Лоя Розье круто взялись за дело. Даже слишком. И когда пара божьих одуванчиков-пенсионеров, супруги Хууп из Эстонии, попросили найти украденную у них в ГУМе видеокамеру, Каштаков решил, что заказ не стоит выеденного яйца. Личность вора партнеры установили быстро. Это был небезызвестный в определенных кругах Московии Макак. Но дело приняло неожиданный оборот. Макака убили. Камеру похитили. Кому понадобилась любительская видеосъемка, сделанная старичками во время путешествия по Аду и Раю? Спецслужбам человеческим или демоническим? Каштаков быстро понял, что так просто ему из этого «пустякового» дела не выпутаться. И поделом! Не связывайся с чертями...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	71
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	99
Глава 9	108
Глава 10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Алексей Калугин

Чем черт не шутит

Глава 1

Ворона сидит на ветке. Прямо напротив окна. И смотрит на меня антрацитовым глазом.

Неделю назад на ленте новостей появилось сообщение о том, что умер Макс Роуч. А сегодня утром я прочитал о смерти Завинула. И мне вдруг сделалось не по себе.

Нет, я не боялся смерти. Я подумал о том, что станет с этим миром, когда уйдут лучшие из лучших. Кто придет им на смену?

Поскольку ответа на этот вопрос у меня не было, я заперся дома с бутылкой джина и включил Weather Report. Я слушал все по порядку, не пропуская концертники. И с каждым диском мне становилось все более грустно и тоскливо. Просто так, без причины. Потому что жизнь такая, как она есть. Потому что ни один ее миг невозможно вернуть назад. Потому что за окном накрапывает нудный осенний дождь. А на суку сидит мокрая, тоже недовольная жизнью ворона. И, поскольку ворона не держала в клюве даже махонького кусочка сыра, оставалось предположить, что мудрая сия птица придерживается атеистских взглядов.

Я сидел в кресле, расслабленно вытянув ноги. Одна рука свешена через подлокотник, другая слегка покачивает в такт музыке стакан с джином и тоником. А подтаявшие кусочки льда тихо звякают о стекло.

Я вовсе не собирался напиваться. Мне просто хотелось послушать хорошую музыку и вспомнить великих музыкантов. А бутылка – так, чтобы не совсем уж одиноко было. Я и отпил-то из нее всего на два пальца.

Когда пришел Гамигин, играл диск «Domino Theory».

– Отдыхаешь? – не то с укоризной, не то с завистью посмотрел на меня Анс.

– Нет, – честно признался я.

Анс обошел кресло сзади и встал по левую руку от меня. Наверное, он смотрел на меня с осуждением. Ну, а я глядел на дно стакана. Там не происходило ничего интересного. Но смотреть на Анса мне и вовсе не хотелось.

– У тебя проблемы?

– С чего ты взял?

– С того, что ты пьешь не пиво, а джин.

Я усмехнулся и пригубил стакан.

Гамигин был прав – вкус крепкого спиртного мне совершенно не нравится. Потому я и лью в стакан тоника больше, чем джина. Примерно раза в три.

– Анс, я уважаю тебя за то, что ты понимаешь толк в пиве. Но в джезе ты ни черта не смыслишь!

И вот теперь я перевел взгляд на Гамигина.

Как и всякий демон, Анс терпеть не мог все эти человеческие присказки насчет чертей. Вряд ли он воспринимал это на свой счет. Однако за державу демону было обидно.

Черта я помянул не случайно. Мне хотелось, непременно хотелось зацепить как-то Гамигина, вывести его из равновесия, которое являлось его обычным состоянием. И это при том, что Анс Гамигин был не просто моим партнером по работе, но еще и самым близким другом. Не помню точно, но, кажется, Император Ху сказал что-то насчет того, что, когда нам плохо, мы стараемся сделать больно тем, кто нам ближе всего. Наверное, чтобы далеко не тянуться.

Анс снова обошел кресло сзади и оказался по правую от меня руку.

– Ты когда последний раз разговаривал с Лоей?

– Никогда.

Я сделал большой глоток из стакана. Слишком большой. А потому закашлялся.

Анс дождался, когда я прочищу горло и вытру набежавшие слезы. Вот что-что, а ждать он умел. Как никто другой. И, когда, откашлявшись, я потянулся за салфеткой, чтобы вытереть губы, он сказал:

– Лоя хочет выйти из дела.

– Что?! – Услышав такую новость, я едва не вывалился из кресла. Выпавший из руки стакан тренькнул, ударившись об пол, но каким-то чудом остался цел. – Что значит «хочет выйти из дела»? С чего это вдруг? И – куда?..

Анс с деланным безразличием пожал плечами.

Я открыл рот, собираясь что-то сказать. Но вдруг понял, что сказать-то мне нечего. Несмотря на первую реакцию, новость, принесенная Ансом, не стала для меня неожиданно-стью. Я был не слепоглухонемой идиот и понимал, что все к тому идет. Я не знал только, когда и как именно это случится. И, честно говоря, я думал, что Лоя сама мне об этом сообщит, а не пошлет дурным вестником Анса.

Наверное, со стороны я выглядел довольно-таки глупо.

Демону надоело смотреть на мой разинутый рот. Он толкнул мыском ботинка лежащий на полу стакан, подошел к шкафу с дисками и стал изучать репертуар. С его стороны это был сверхделикатный жест. Сколько я ни пытался привить Гамигину интерес к музыке, ему вполне хватало одного диска с дурацким названием «The Best Songs Of All Times And Nations». И вы бы только послушали, что это были за песни! По счастью, помимо извращенных музыкальных пристрастий, у Гамигина имелось множество других несомненных достоинств. Одним из которых являлась уже упомянутая деликатность. А еще он был мой самый лучший друг.

Я начал потихоньку собирать мысли в кучку.

– Лоя сама тебе сказала, что собирается выйти из дела?

– Забыл, что мы телепаты?

Анс даже не обернулся – продолжал делать вид, что с интересом просматривает мою коллекцию дисков.

– Ну, да. – Я хотел было кивнуть, но в последний момент

передумал и в результате странно дернул головой. Хорошо, что Анс меня не видел. А то бы решил, что у меня это нервное. – Демон может телепатически общаться со своим сородичем при условии обоюдного согласия.

Анс перешел к следующей полке с дисками.

– Лоя позволила тебе узнать, что она собирается уйти?

– В точку, Пинкертон. – Анс выдернул диск из плотного ряда и обернулся: – Можно я возьму послушать?

Это был диск «Their Satanic Majestic Request». На мой взгляд, одна из лучших, сильно недооцененная работа «роллингов».

– Тебе не понравится.

– Тема любопытная.

– Это было записано еще до открытия Врат.

– Ну и что?

– В те золотые времена ангелы и демоны для большинства людей были чисто абстрактными фигурами. Либо фольклорными персонажами. Тебе что больше нравится – абстракция или мифология?

– Я просто хочу послушать музыку.

– Ты никогда не слышал этот диск?

– Нет.

– Тогда бери.

– Спасибо.

Анс сунул диск в карман.

– На улице дождь? – спросил я, заметив влажные пятна на

его длинном, черном кожаном плаще.

– А ты посмотри в окно.

– Не хочу.

– Тогда поговори с Лоей.

– О чем?

Анс взял со стола бутылку, посмотрел на этикетку и весь-ма неодобрительно хмыкнул.

– Ты не понял, что я сказал?

– Лоя выходит из дела.

– И это все?

Меня вдруг прорвало. С чего этот черт решил, что меня нужно учить уму-разуму? В конце-то концов! Я слушаю Weather Report! Получаю удовольствие! И тут врывается черт со своим идиотским сообщением о том, что Лоя, видишь ли, выходит из дела!..

– Это значит, что нам теперь придется менять всю атрибутику нашего частного сыскного агентства! Начиная с визиток и заканчивая входной дверью! На которой аршинными буквами написано «Каштаков, Гамигин и Розье»! И мне даже думать не хочется о том, во сколько нам это обойдется!

– Димка, ты дурак.

Вот и все, что сказал Анс в ответ на мою гневную тираду. Сказал спокойно, почти без эмоций, вроде как просто констатируя факт. Но при этом он еще и смотрел на меня, как на законченного идиота.

Я молча развел руками. Мол, признаю сей факт, но ничего

не могу поделаться; принимайте меня таким, как есть, или не принимайте вовсе. Вот так.

Я потянулся за бутылкой. Но демон схватил ее первым и переставил на дальний конец стола.

– Ты же не хочешь, чтобы она уходила.

– Конечно, не хочу.

– Ну, так не будь дураком, скажи ей об этом!

– Она это знает.

– Дурак, – безнадежно махнул рукой Анс.

– Хорошо. – Я решил не вступать в бессмысленный спор. –

Ты уже трижды назвал меня дураком. Доволен?

– Нет.

– И сколько же раз тебе нужно это повторить, чтобы получить полное удовлетворение?

Гамигин озадаченно поджал губы. И во взгляде его появилось что-то новенькое. Отдаленно напоминающее сочувствие.

– Знаешь, что я никак не могу понять?

– Наверное, как Чарли Паркеру удавалось извлекать божественные звуки из поллой железяки?

– Или как двум любящим друг друга людям удастся постоянно ссориться.

Я очень постарался и придал лицу выражение полного клинического идиотизма.

– Это ты о ком?

– Дурак.

– Четвертый раз!

– И я все еще не удовлетворен.

– С чего ты взял, что Лоя меня любит?

– Не прикидывайся дураком.

– А, так значит, я только прикидываюсь!

– Мы – телепаты!

– Постой. – Мне вдруг показалось, что в нашем разговоре я упустил нечто очень важное. И это заставило меня миготом прекратить валять дурака. – Ты хочешь сказать, что Лоя сама дала тебе прочесть эту мысль?

– Поздравляю, Пинкертон!

В усмешке, которой сопровождал эту реплику демон, сарказма было больше, чем косточек в гранате.

– Но – зачем?

Анс с досадой цокнул языком и головой покачал:

– Нет – не Пинкертон.

– Ты хочешь сказать...

Я начал фразу нарочито медленно, надеясь, что Анс не выдержит и перебьют меня.

Так и случилось.

Вот только слова демона были совсем не теми, что я ожидал.

– Я сказал уже все, что хотел. Теперь очередь за тобой. Ступай, поговори с Лоей.

– О чем, по-твоему, я должен с ней говорить?

– Это уж тебе виднее. На твоём месте я бы первым делом

извинился.

– За что?!

– Да без разницы! За все сразу! Ты что, женщин не знаешь?

– Таких, как Лоя, – нет.

– Женщины, даже такие, как Лоя, обожают прощать. А для того, чтобы она могла тебя простить, нужно сначала принести извинение. Все равно за что.

Я ненадолго задумался. Даже глаза прикрыл, чтобы сосредоточиться. Я попытался найти хотя бы тень чувства вины. Хотя бы блеклое ее подобие. Но, как ни крути, выходило, что мне просто не за что себя винить. Я был чист и невинен как младенец. Можно даже сказать, как агнец божий – но демон бы этого не понял. Поэтому я только головой затряс.

– Я не чувствую себя виноватым.

– Хорошо. – Анс сложил руки на груди. Это означало, что он готов всерьез за меня взяться. – Из-за чего вы поссорились последний раз?

Последний раз? Этих последних разов было столько, что я со счета сбился! Впрочем, если подумать... Как следует подумать... Да! Это было в субботу. Хороший был день. Солнечно, но не жарко. Деревья все в золоте стоят. А та листва, что уже облетела, прикрыла мусор на газонах. Использованных шприцев и презервативов почти не видно. Осень, которую я люблю. А Лоя ненавидит. Ее, видишь ли, раздражает яркое солнце и слишком голубые небеса. И еще ей захоте-

лось узнать, какому идиоту пришло в голову выкрасить мусорные ящики в веселенький розовый цвет? Я ей сказал. Она не поверила. Мы хотели пообедать в суши-баре, скомбинированном с пиццерией. Тогда мне это казалось замечательной идеей – Лоя любит то, что едят палочками, я готов согласиться на макароны и пиццу. Теперь я понимаю, что лучше бы нам этого было не делать. Я могу в мельчайших деталях восстановить все, что произошло после того, как хостес усадила нас за столик. Могу, если постараюсь, припомнить каждую фразу из тех, которыми мы обменивались. Но вы все равно не поймете, почему менее чем через полчаса я чувствовал горький стыд за себя самого, за то, что я полнейшее ничтожество, да и вообще ни на что не годен. Почему? Да потому что я и сам этого не понимаю. Лоя постоянно улыбалась мне и говорила милые слова. Но то, как она это делала... Мне не удастся это передать, как бы я ни старался. И, что самое главное, она вовсе не пыталась меня обидеть или хотя бы поддеть. Нет! Совсем наоборот! Она демонстрировала мне свои чувства. А мне было из-за этого стыдно. И не за нее, а за себя.

– Она постоянно, все время доказывает мне свое превосходство, – пожаловался я Ансу.

– Так.

Демон смотрел на меня так, будто не видел ничего противоестественного или хотя бы необычного в том, что я сказал.

– Ты находишь это нормальным?

– Абсолютно. Любая демоница хочет заботиться о своем мужчине. А у тебя не должно быть сомнений в том, что она на это способна.

– Я и не сомневаюсь.

– Так в чем же тогда проблема?

– В том, как она демонстрирует свое горячее желание стать моей женщиной. То есть демоницей.

– А, я, кажется, понимаю. – Анс улыбнулся и погрозил мне пальцем, как нашкодившему пацану. Причем нашкодившему не по-крупному и не по злему умыслу, а так, по глупости. – Ты воспринимаешь Лою как женщину.

– Прости, а как еще я должен ее воспринимать?

– Она – демоница!

– И что? При этом она не женщина?

– Женщина. Но... – Анс направил на меня указательный палец, будто ствол пистолета. – Она – демоница.

– Так, хорошо. – Я поднял руки и, не зная, что бы еще с ними сделать, пригладил волосы. – Ты хочешь сказать, что она унижает меня, потому что я не демон?

Анс усмехнулся.

– Был бы ты демоном, тебе бы еще не так досталось. Я полагаю, Лоя сдерживает себя, понимая, что ты... – На секунду-другую демон умолк. Видимо, подбирая верную формулировку. Такую, чтобы по сути, но не обидно. – Воспитан в иной культурной среде.

Надо же, как политкорректно завернул!

– Так это у нас с ней межкультурный конфликт?

Мне казалось, что мои слова пропитаны сарказмом, как окурок сигары никотином. Но Анс этого не заметил. Либо предпочел сделать вид, что не заметил.

– Как бы там ни было, все ваши противоречия непринципиальны. Для того, чтобы разобраться с ними, достаточно постараться понять друг друга. И в чем-то пойти на уступки. – Слушая Анса, я тихонько кивал. Просто так, чисто механически. Но Гамигин, видно, решил, что сумел убедить меня. – Согласись, у вас нет веской причины для расставания. – Я еще раз кивнул. – Ну, а кроме того, подумай, что станет с агентством без Лои?

Как опытный игрок, Анс приберег самый крупный козырь, чтобы выложить его последним. С учетом того, что до этого игра шла почти на равных, такой ход должен был потрясти, ошеломить и смять противника. Что, собственно, и произошло.

Анс был прав.

Тысячу раз прав!

Детективное агентство «Каштаков, Гамигин и Розье» невозможно было представить без любой из трех его составляющих. Конечно, когда-то я и один справлялся с работой частного детектива. Но это был другой уровень. С приходом Анса и Лои я как будто пересел с мопеда в «Бентли». И, честно говоря, мне не хотелось возвращаться назад.

Втроем нам удалось вывести работу детективного агент-

ства на новый уровень. Прежде, расследуя то или иное дело, я мог полагаться лишь на собственную сообразительность и наблюдательность, умение сопоставлять и делать выводы. А для того, чтоб собрать необходимую информацию, мне приходилось как бобику носиться по городу и платить осведомителям. Помнится, впервые ознакомившись с моими методами работы, Гамигин пришел в ужас. Демону было непонятно, как, действуя подобным образом, можно добиваться результатов? Поэтому первым, чем он занялся, став полноправным партнером нашего детективного агентства, это учредил отдел научной криминалистики. Который сам и возглавил. Теперь он занимался сбором и изучением вещественных доказательств. А Лоя заведовала информационной частью. Честно говоря, я не был слишком хорошо знаком с ее методами сбора информации. Но полагаю, что некоторые из них являются не вполне законными. Остальные же – так и вовсе тянули на несколько уголовных статей. Однако ж, Лоя еще ни разу не прокололась. Она умела подслушивать, подглядывать, мгновенно копировать гигантские объемы информации, взламывать самые сложные коды и пароли... Я бы затруднился сказать, что она не умела делать. Кстати, готовила она тоже замечательно. Вот только не любила этим заниматься. Ну, и что также немаловажно, клиент, однажды заглянувший в наше агентство, пусть даже по ошибке, непременно возвращался. Хотя бы лишь за тем, чтобы бросить еще один томный взгляд на детектива Розье. Ко-

торая, встречая гостей, дивненько изображала глупенькую, неопытную и страшно наивненькую секретаршу. Она не имела никаких планов на этих мужчин, а потому вела себя с ними именно так, как им нравилось. И как в представлении любого мужчины должна вести себя истинная женщина. С гордостью несущая это славное имя. А вот со мной Лоя Розье вела себя совершенно иначе. Естественно, не на работе, а когда мы оставались наедине. Не знаю, может быть, кому-то и нравится, когда его постоянно называют зайкой и котеночком и при этом еще гладят по головке. Меня же такое поведение Лои просто бесило. И окончательно выводило из себя, когда она принималась при всех, чуть ли не демонстративно, объяснять мне, что я не так сделал. По любому, самому незначительному поводу. Возможно, делала она это из самых лучших побуждений. И если позже, успокоившись, я удосуживался разобрать приводимые Лоей аргументы, то, как правило, выяснялось, что она была права. Но чувствовал я себя при этом... Ну, скажем, не совсем мужчиной. Вот так.

И хватит об этом!

Сейчас речь идет не о наших с ней отношениях, а о том, что она является незаменимым членом нашей замечательной команды. Замечательной во всех отношениях.

Дела нашего агентства очень скоро пошли в гору. Мы стали известны, почти как охотники на привидений. Мы старались помочь каждому, кто к нам обращался, но временами чисто физически не могли справиться с наплывом посети-

телей и перенаправляли клиентов к конкурентам. Которые для нас уже таковыми не являлись. Нам даже удалось раскрыть пару преступлений, перед которыми спасовала городская милиция. Хотя, может быть, и не спасовала вовсе, а просто решила закрыть на эти преступления глаза. По каким-то своим причинам. Которых может быть очень много. Особенно у московской милиции.

На мне же лежала основная работа с клиентами, с представителями местной власти, органами правопорядка и мелкими правонарушителями, имеющими привычку расплачиваться информацией за право оставаться на свободе и творить свои мелкие пакости.

И что же теперь?

Все бросить?

Из-за девчонки?

Пусть даже она была демоницей. И, ладно, не будим душой кривить, чертовски красивой демоницей.

Дать развалиться блестящему, лучшему во всей Москве сыскному агентству, чтобы потом все начать заново?

Боюсь, на то, чтобы поднять и раскрутить новое дело, сил у меня уже не хватит. Да и желания не будет. В довершении всего – Анс Гамигин. Сначала я его из Ада вытащил, совместным делом увлек, а теперь получается, взял да и кинул. И все опять-таки из-за дамочки.

Нет, так дело не пойдет!

Однако ж, иначе оно с места тоже не сдвинется.

Значит, придется как-то выкручиваться.

Вот только в какую сторону начать крутиться, я пока что даже не представлял.

Прикинув и тут же откинув несколько вариантов, я с надеждой посмотрел на Анса.

– Не могу я вот просто так, без всякого повода, заявиться в офис. Лоя сразу поймет, что я пришел из-за нее.

– Так это ж замечательно!

– Мне так не кажется.

– Все еще пытаешься тешить свое мужское Эго?

– Да, пытаюсь! И что с того? – Гамигин молча пожал плечами. – Я жертва нездоровой культурной среды, в которой мне пришлось расти. Смирись с этим, Анс. И прими как должное тот факт, что Московия – это не Ад... Хотя, если выражаться метафорически...

– Я понимаю, – с серьезным видом наклонил голову демон.

Но мне почему-то показалось, что он просто не хотел со мной спорить. А, может быть, ему понравился нарисованный мною образ жертвы московской культурной среды. Наверное, думает сейчас про себя: ну что можно ожидать от человека, живущего в Московии, да еще и джаз слушающего? – злорадствует.

Хотя нет, конечно, Гамигин не из таких. Он злорадствовать втихаря не станет.

– В таком виде, как сейчас, тебе появляться в агентстве

нельзя. — Анс оттянул рукав, чтобы посмотреть на часы. Он по-прежнему носил массивные, тяжелые механические часы на стальном браслете. И это в наши-то времена. Когда часы и календари встраивают где только можно и где нельзя. — На четырнадцать ноль-ноль записана пара туристов из Эстонии. С учетом пунктуальности эстонцев у тебя ровно тридцать две минуты на то, чтобы принять душ, побриться, переодеться и свеженьким явиться в агентство.

Вот так! Я тут голову ломаю, мозги выворачиваю, а у Анса, оказывается, все уже продумано!

— Что за дело?

— Судя по всему, ничего особенного. Пожилая пара эстонцев побывала, как водится, с экскурсией в Аду и в Раю. На три дня задержалась в Московии, со знакомыми повидаться да сувениров прикупить. И у них тут что-то пропало.

— Что?

— Что-то, представляющее для них особый интерес. — Анс улыбнулся. — Ну, сам прикинь, из-за чего могут переживать пожилые люди?

— Искусственная челюсть, вставной глаз, старое любовное письмо, бриллиантовое кольцо или украденное завещание, — с ходу перечислил я несколько кажущихся мне наиболее вескими причин.

— Ну, что-то вроде того, — согласился Анс. — Одним словом, они очень переживают. А учитывая безупречную репутацию нашего агентства, непременно желают, чтобы поиска-

ми пропажи занялись именно мы.

– Можно перекинуть это дело Иванову с компанией.

– Нельзя. – Бледно-голубые глаза демона сделались похожими на кусочки льда. Так происходило всегда, когда он становился донельзя серьезным. – Если Лоя вместе с нами возьмется за это дело, оно привяжет ее к агентству на неопределенный срок. Можешь не сомневаться.

В этом-то я как раз не сомневался – контролер Розье имела привычку все начатое доводить до конца. Каким бы этот конец ни оказался.

– И у вас будет время, чтобы решить... постараться решить свои проблемы, – закончил Гамигин.

Меня беспокоило другое.

– Если у старичков-эстонцев стащили вместе с кошельком их любовную переписку сорокалетней давности, нам потребуются максимум сутки для того, чтобы найти эти письма. Да заодно с ними и сам кошелек. Маловато будет. А, Гамигин?

Демон посмотрел на меня так, что я понял: теперь ему уже вовсе не кажется смешной шутка о неблагоприятной среде, в которой я рос и мужал. Более того, он готов писать петиции в Страсбургский суд, требуя привлечь к ответственности тех, кто сотворил со мной такое.

– Я не сомневаюсь в том, что мы можем отыскать эту пропажу за сутки. Но ведь мы пока не знаем, какие проблемы могут возникнуть в ходе этого простого на первый взгляд

расследования. Все зависит только от тебя, друг мой!

Проклятие! Демон, как всегда, был прав! Поскольку все нити следствия будут находиться у меня, в моих силах тянуть это дело так долго, как я сам того пожелаю. Лоя, конечно, далеко не глупая женщина и в конце концов поймет, что мы с Гамигином ее дурачим. Однако произойдет это не сегодня и не завтра. Будем надеяться, мне хватит времени...

Хватит времени на что?..

Я посмотрел на Анса в надежде, что, быть может, он мне это скажет. Но демон решил остаться безучастным.

Ладно, у меня еще будет время над этим подумать.

Глава 2

Для того чтобы попасть в агентство, мне достаточно было спуститься по винтовой лестнице, связывающей мою спальню с рабочим кабинетом. Очень удобно, когда не нужно давиться в переполненном метро или часами простаивать в бесконечных пробках на улицах. Но на этот раз я решил поступить иначе. Я вышел из квартиры, запер дверь, спустился по общей лестнице, повернул налево и оказался перед стальной дверью, декорированной под мореный дуб, с красивой вывеской «Детективное агентство Каштаков, Гамигин и Розье».

Если располагать имена в алфавитном порядке, мое должно быть вторым. Но Гамигин настоял на том, что в названии агентства мое имя должно быть первым. Доказывая, почему именно так следует поступить, он привел множество причин. Главным же было то, что мы все же находимся в Москве, а это значит, что имена демонов в названии агентства и без того будут вызывать у людей сомнение. По первому времени так оно нередко и случалось.

Я провел кончиками пальцев по подбородку, проверяя, насколько чисто он выбрит, надвинул шляпу на глаза и сунул левую руку в карман. Оказалось, я забыл взять ключи от офиса. Так бывает, когда то и дело пользуешься черным ходом. Потоптавшись на месте, я решил, что подниматься сно-

ва наверх будет совсем уж глупо, и нажал на кнопку звонка.

Я намеренно опустил голову, чтобы камера наблюдения могла увидеть только мою шляпу. Но несмотря на это меня узнали. Щелкнул дверной замок, и дверь чуть приоткрылась.

Первым, что я увидел, переступив порог, была Лоя. И у меня тотчас же перехватило дыхание. Как и всякий раз, когда я ее видел. Через несколько секунд дыхание, как правило, восстанавливалось. Но не на этот раз. Потому что тут же, на пороге, Лоя сообщила мне:

– Я ухожу.

Она не прокричала мне это в лицо, а произнесла убийственно спокойным голосом. Это означало, что она все как следует обдумала и ничто уже не может заставить ее изменить принятое решение.

Глядя в пол, я снял шляпу и покрутил ее в руках.

– Когда?

Глупый вопрос. Быть может, лучше было бы спросить: почему? Или, как и предлагал Анс, начать просить прощения за все несуществующие грехи?

– Завтра.

Так!

Я краем глаза посмотрел на Лую. Сегодня она зачесала свои роскошные рыжие волосы назад и завязала узлом на затылке. Прическа несколько старомодная, но на мой вкус именно то, что надо. О том, что Лоя намеренно решила воспроизвести стиль шестидесятых, свидетельствовали также

бледно-голубая водолазка с вышитой монограммой и расклешенные джинсы. С чего это она вдруг? Неужели, намеренно, чтобы меня подразнить?.. Да нет, это уже полный бред! Она же ясно сказала, что завтра уходит.

– Значит, сегодня я могу на тебя рассчитывать?

– Как и всегда.

Лоя смотрела на меня так, будто я должен был что-то ей сказать. А у меня, как назло, ни единой путной мысли в голове. Да и беспутной – тоже. Наверное, нужно было заранее подготовить покаянную речь. И отрепетировать ее с Ансом.

– А где Анс?

– Сказал, что у него встреча в городе. Какой-то след, возможно, связанный с делом об исчезновении бриллиантов Маршака.

– Ах вот как...

Дело о краже, или, как предпочитал говорить сам Маршак, о пропаже, драгоценностей из офиса известной ювелирной фирмы тянулось уже не первый месяц. И похоже было, что нескоро еще замаячит хоть какой-то проблеск света в этой темной и крайне запутанной истории. Вот если бы на такое дело посадить Лую, то она надолго бы еще задержалась в агентстве. Однако пару недель назад архив, названный «Дело об исчезновении бриллиантов Маршака», был отправлен в папку «Незавершенное». Это означало, что мы фактически расписались в своей неспособности раскрыть преступление. Однако архив будет вновь распакован и перемещен в папку

«Текущее», как только появится какая-то новая информация, способная вывести на след похитителя. Такое, кстати, нередко случается. Занимаешься каким-то одним делом, и вдруг выясняется, что оно неким странным образом связано с другим преступлением, также ожидающим своего раскрытия. Бац! И два зайца на ужин. Прямо как у почтенного барона Мюнхгаузена. Но Анс пошел не по следу, ведущему к бриллиантам Маршака. Он оставил нас с Лоей наедине. Должно быть, демон был уверен, что таким образом предоставил нам прекрасную возможность разобраться с нашими вымороченными, как он считал, проблемами.

– Анс сказал, что все время будет на связи. И если вдруг понадобится его помощь, незамедлительно явится.

Ох, сомневаюсь! Мне вот сейчас, именно сейчас, сию самую минуту позарез требовалась помощь демона. А где он?

Чувствуя, что в горле у меня становится все суше и вскоре я уже слова не смогу вымолвить, я потянулся было к стопке пластиковых стаканчиков. Но Лоя уже протягивала мне полный стакан.

Вот кто бы мне сказал, как она догадалась, что мне хочется пить? У демонов внутриродовая телепатия. То есть они могут общаться телепатически только с представителями своей расы. Но я-то не демон!

– Я не могу читать твои мысли, – без тени улыбки произнесла Лоя. – Я просто очень хорошо тебя знаю.

Блеск!

Насколько же хорошо нужно изучить человека, чтобы уметь предугадывать его желания? И чем это, спрашивается, не телепатия?.. И ежели так, то удастся ли нам с Ансом провести Лою, выдав дело двух эстонских пенсионеров за многосерийный триллер с убийственно неожиданной развязкой?

– Ну, так ты будешь пить?

Отказываться было глупо.

Я взял стаканчик из рук Лои и сделал пару глотков.

– Посетители были?

Я посмотрел на часы. Назначенный Ансом срок, когда должна была явиться чета эстонских туристов, истек четыре минуты назад.

– Утром заходил господин Суников. Как он сказал, для того, чтобы лично выразить искреннюю благодарность за оказанную ему помощь.

Ага! Знаем мы, зачем этот Суников заходил! Чтобы Лое ручку облобызать! Он уже четвертый раз является со своей благодарностью и коробкой конфет! Лучше бы счет вовремя оплатил, жмот несчастный!

– В следующий раз гони его в шею!

– Следующего раза не будет. Я завтра ухожу.

– Ах, да... Надеюсь, не к Суникову?

Я решил таким образом пошутить. Лоя сочла мою шутку дурацкой. Презрительно фыркнула и удалилась в свои апартаменты.

Наверное, нужно было пойти и извиниться. Да и случай

был подходящий – с шуткой про Суникова я действительно дал маху. Извинюсь, а там, слово за слово, глядишь, и нормальный диалог выстраиваться начнет.

Я совсем уж было решился идти к Лое с извинениями, как вдруг – черт бы побрал это самое «вдруг»! – раздался дверной звонок.

Я подождал пару секунд, надеясь, что Лоя все же выйдет из кабинета, чтобы открыть дверь. Но она, видимо, решила предоставить мне возможность самому встретить гостей.

Чертыхнувшись сквозь зубы, я быстро глянул на монитор внешнего наблюдения, увидел там пару милых, приветливо улыбающихся пожилых туристов и нажал отпирающую замок кнопку.

Когда дверь открылась, я будто увидел ожившую картину с сувенирной открытки «Привет из Прибалтики!». Двое чудных стариков, державших друг друга под руку, не просто приветливо улыбались мне, а по-настоящему лучились радостью и счастьем. Если с чем это и можно было сравнить, так только с инеем, серебрящимся в лучах утреннего солнца. Пара была одета в стилизованные под национальные, но в то же время очень даже современные костюмы, удобные и практичные – то что надо для туристической поездки. Под расшитой курточкой у мужчины была красная майка, купленная не иначе как на Арбате. На майке довольно лыбился Градоначальник в берете со звездой, как у Че Гевары. На плече у мужчины висела сумка с компьютерным планшетом.

Дама держала в руке небольшой букет фиалок.

– Здравствуйте! – приподнял тирольскую шляпу с фазаньим пером мужчина. – Мы записаны на прием!

Ну прямо как к врачу.

Эстонец говорил на правильном русском языке, но с неизбывным прибалтийским акцентом. Слушая который, я просто млел от восторга. Сам не знаю почему. В родне у меня прибалтов, вроде бы, не было. И сам я последний раз был в Таллине еще до открытия Врат.

– Прошу извинить нас за опоздание, – продолжил турист. – Транспортная проблема.

– Прекрасно вас понимаю, – улыбнулся я в ответ. – И добавлю, что в Московии опоздание на пять минут – это не опоздание.

Эстонец посмотрел на свою жену. Та пожала плечами. Должно быть, они не поняли мою шутку. Ну, да ладно. Комментировать не стану.

Я кинул пластиковый стаканчик в мусорную корзину, шляпу на вешалку и:

– Прошу! – сделал приглашающий жест рукой в сторону своего кабинета.

Обстановку для своего кабинета я выбирал сам, стараясь детально точно воссоздать атмосферу старых фильмов-нуар с Хэмфри Богартом. И в целом у меня это получилось. Даже бутафорский вентилятор под потолком выглядел, как настоящий. Ну а жалюзи на окне с особой подсветкой, даже в пас-

мурный день бросающие на пол и угол стола зловещие, черные полосы, были объектом моего постоянного восхищения и гордости.

На эстонцев кабинет произвел должное впечатление. Они крепче схватили друг друга за руки и вроде как даже меньше ростом сделались. Мужчина при этом то и дело опасливо поглядывал на винтовую лестницу в дальнем углу, поднявшись по которой, можно было попасть в мою квартиру. Не знаю, какие уж воспоминания вызвали у него рифленные металлические ступени, но только, глядя на него, можно было решить, что он видит на лестнице призрак своей покойной бабушки.

Я предложил посетителям кресла, а сам картинно присел на угол стола. При этом пола моего пиджака, как и полагается, отошла в сторону и из-под нее как бы невзначай показалась тяжелая черная рукоятка пистолета.

– Я Дмитрий Каштаков, – представился я. – Частный детектив. Совладелец сыскного агентства «Каштаков, Гамигин и Розье». Чем могу быть вам полезен?

– Простите, а ваши компаньоны, Гамигин и Розье, – это реальные люди? – поинтересовалась старушка.

– Это реальные демоны, – заверил я ее. – Вас это смущает?

– Ничуть, – уверенно качнула головой бабушка. – Я просто хотела знать, работаете ли вы один или с компаньонами.

– Ваше дело настолько деликатно, что вы готовы доверить его лишь мне одному?

– Нет... Не думаю.

– В таком случае, смею вас заверить, что мои компаньоны – демоны сверхнадежные. На них вы можете положиться так же, как на меня.

– Очень хорошо, – кивнула старушка. – Просто замечательно.

– В таком случае, перейдем к делу, – я взял лежавшие на столе рекламные буклеты и передал их посетителям. – Здесь расценки на наши услуги. Прошу обратить внимание на особые скидки для туристов и пенсионеров. А также на систему бонусных баллов, срабатывающую при повторном обращении в наше агентство. Если вы считаете наши цены приемлемыми...

– Нас все устраивает, – заверил меня старичок, даже не раскрыв буклета.

– Ну что ж. – Я спрыгнул со стола, обошел его и занял свое рабочее место. На столе передо мной появился старый перекидной блокнот на пружинке и простой карандаш с ластиком. Это тоже было частью антуража. – Для начала я хотел бы узнать, как мне к вам обращаться? Вы не обязаны называть реальные имена, но имейте в виду, что при необходимости выяснить их будет делом пяти минут.

– Нам нечего скрывать, – заверил меня старичок. – Мое имя Яан Хууп. А это моя жена Марта. Мы из Вильянди. Приехали в Московию две недели назад, чтобы посетить Рай и Ад.

– Очень хорошо, – я делал вид, что заношу их имена карандашом в блокнот. Хотя на самом деле всю нашу беседу записывал встроенный в столешницу стола диктофон. – Надеюсь, вы остались довольны поездкой?

– О да! Нам все очень понравилось... Кроме вчерашнего дня.

Я поднял взгляд на стариков.

– А что произошло вчера?

– Вчера днем, около одиннадцати часов, в ГУМе, у фонтана у нас украли видеокамеру.

– Вот как? – Я был действительно удивлен. – А вы уверены, что не потеряли ее? Или, может быть, забыли в одном из отделов? Магазин-то большой.

Мои сомнения были вполне обоснованными. С той поры, как во главе «семьи» встал Серега-Соломон, в Москве практически сошла на нет мелкая преступность вроде хулиганства, карманных краж и грабежей подвыпивших прохожих. Сергей Викентьевич совершенно справедливо полагал, что ежели не раздражать столичных стражей порядка по пустякам, то они спокойнее будут. А мелкое ворье ему и самому мешало, крутясь под ногами, разнося сор из избы и стука направо и налево. Новая «семья», которую создал Серега-Соломон, была не просто прибыльным, а весьма прибыльным коммерческим предприятием. Правда, проворачивающим порой не вполне законные махинации. Но, тут уж, как говорится, ничего не попишешь. Соломоновы боевики мо-

чили без разбора заезжих гастролеров, позарившихся на хорошую якобы жизнь в Московии. И, самое главное, Серегины ребята строго следили за тем, чтобы никто, ни одна шантрапа не трогала туристов. Потому что с туристического бизнеса Соломон также свой гешефт имел.

– Мы кушали блины с медом и икрой, – вступила в разговор Марта Хууп. Она была несколько раздражена моим вопросом, хотя и старательно скрывала это. – Камера лежала рядом, на столике, – Марта указала место на воображаемом столике, где лежала камера. – Неожиданно к нам подбежал очень странный молодой человек. Он схватил камеру, кинулся прочь, – Марта взмахнула рукой, как бы прощая жестом похитителя камеры. – И моментально скрылся в толпе.

Я откинулся на спинку стула и озадаченно постучал ластиком на конце карандаша по подбородку. Туристов ограбили в ГУМе? На глазах у всех? На подобное мог решиться разве что только безумец. Если об этом станет известно Соломону, он тут же пустит по следу придурка своих цепных псов, которые вмиг отыщут его и разорвут в клочья. А если и не отыщут... Ну, какой урод станет рисковать жизнью ради видеокамеры?

– Что это была за видеокамера?

– Самая обыкновенная, китайская. Вот. – Яан достал из сумки руководство пользователя и положил передо мной на стол. – Мы купили ее перед поездкой.

Действительно, самая обыкновенная, простенькая, люби-

тельская цифровая видеокамера. Без особенных наворотов. Да и цена, можно сказать, бросовая. Кто мог на такое позариться? Это не мог быть профессионал, поскольку все профессионалы знали об ответственности за кражу у туристов. Выходит, либо любитель, либо новичок-гастролер, впервые заглянувший в Москву и еще не знакомый со здешними порядками.

– Так вы хотите вернуть видеокамеру?

– Нет! – Яан сделал жест обеими руками, как будто отталкивал от себя камеру, которую я ему предлагал. – Пусть вор оставит камеру себе, если она ему так нужна! Мы хотим, чтобы нам вернули только карту памяти! Если нужно, я готов подарить ему взамен чистую!..

Марта сделала едва заметный знак кончиками пальцев, и муж тут же умолк, предоставив супруге право продолжать.

– Мы купили эту камеру специально, чтобы снимать во время поездки. На память. Понимаете, господин Каштаков? Для нас самым дорогим являются наши воспоминания. И нам будет очень, очень жаль, если те эпизоды, которые мы снимали в Раю, в Аду и в Московии, исчезнут навсегда.

– Так вы хотите, чтобы я вернул ваши воспоминания? – спросил я несколько удивленно.

Мне еще ни разу не приходилось заниматься подобными делами. Да никто и не просил меня вернуть память. Черт возьми! Это было так необычно, что я готов был бесплатно взяться за дело пожилых эстонцев. Тем более что я уже при-

мерно представлял, где смогу отыскать пропавшую видеокамеру. В Москве не так много мест, где можно сбыть краденый товар. Если, конечно, исключить возможность того, что какой-то псих стащил у туристов видеокамеру, чтобы самому ею попользоваться. Вот тогда придется повозиться. Проблема заключалась еще и в том, что к тому моменту, когда я найду видеокамеру, карта памяти может оказаться отформатированной. Тогда – прощай, воспоминания. Как это ни грустно.

– Да, для нас это очень важно.

– Ну, что ж, – я нарисовал в блокноте большой, дурашливо улыбающийся смайлик, – мы беремся за ваше дело.

– В самом деле?.. Замечательно!

Старики радостно заулыбались.

И принялись пожимать друг другу руки.

Я только сейчас обратил внимание на то, что все это время они сидели, взявшись за руки. Как будто получая друг от друга дополнительный заряд энергии. Хотя им, наверное, было неудобно так сидеть. Но в физическом контакте друг с другом они искали нечто большее, чем удобство. Лоя тоже то и дело пыталась взять меня за руку. Но жест с ее стороны был настолько покровительственный, что в общественных местах я старался этого избежать. Хотя, может быть, зря?

– Как долго вы собираетесь оставаться в Москве?

– Мы хотели улететь домой сегодня, но после вчерашнего происшествия решили задержаться и отказались от заказан-

ных билетов. Я понимаю, что вопрос не совсем корректен, но все же, опираясь на ваш опыт, вы, наверное, можете хотя бы приблизительно сказать, сколько времени займут поиски пропажи?

При благоприятном стечении обстоятельств, я принесу им камеру сегодня вечером. Если возникнут заморочки, поиски займут три, максимум четыре дня. Если по истечении этого срока пропажу найти не удастся, можно будет о ней забыть. Но это уже самый крайний случай. Я бы даже сказал, почти нереальный.

Однако ж не следовало забывать и о том, что мне предстояло превратить это простенькое дельце в серьезное расследование, ради которого Лое придется задержаться в агентстве. Только какой в этом смысл? Глядя на пожилую пару туристов, на то, как они смотрят друг на друга, как держатся за руки, как говорят, не перебивая, а будто продолжая чужую мысль, я попытался представить на их месте себя с Лоей. И, черт возьми, у меня ничего не получилось! И, самое главное, я не мог понять, кто в этом виноват, Лоя или я? Похоже, я окончательно запутался.

Но мои собственные проблемы никоим образом не должны были отразиться на клиентах.

– Я почти уверен в том, что мне удастся найти вашу камеру. Поэтому я могу предложить вам следующий вариант. Вы едете себе спокойно домой, а я, как только найду камеру, почтой отправлю ее вам. Или, если хотите, могу перекачать

вам ваши воспоминания через Интернет. Ну, как?

Супруги посмотрели друг на друга. Как будто мысленно советуясь. Или им достаточно было взгляда, чтобы понять друг друга?

– Наверное, мы все же на несколько дней задержимся в Московии, – сказал Ян. – Мы никуда не торопимся. Если же к тому времени, когда мы решим уезжать, камера все еще не будет найдена, что ж, тогда мы дома будем ждать вестей от вас. Надеюсь, что радостных.

– Можете не сомневаться. В любом случае, я буду постоянно держать вас в курсе хода расследования. Теперь я хочу, чтобы вы поподробнее рассказали мне о происшествии.

– Да и рассказывать-то нечего, – пожал плечами Ян. – В центре ГУМа, на первом этаже, возле фонтана, есть небольшая блинная. Палатка, вокруг которой расставлены столики. Мы сделали заказ, сели за крайний столик, сложили вещи и покупки на свободный стул, а камеру положили на край стола. Все было очень хорошо и очень вкусно. До тех пор, пока проходивший как бы случайно мимо... тип не схватил со стола камеру и не кинулся бежать.

– Простите, господин Хууп, я вижу у вас компьютерный планшет.

– Да, я всегда ношу его с собой, – старик улыбнулся. – Мне нравится постоянно находиться на связи и быть в курсе того, что происходит.

– И вчера, во время происшествия, планшет тоже был при

вас?

– Конечно.

– Где именно?

– Он стоял на стуле. Вместе с покупками.

Рядом со смайликом я нарисовал его недоумевающего со-
брата.

– А вам не кажется странным, что преступник схватил дешую видеокамеру, а не компьютерный планшет? Который и стоит дороже, да и находился ближе к нему?

– Мне трудно понять, как мыслит преступник, – не задумываясь ответил Яан. – И поставить себя на его место я тоже не могу.

– Да, я вас понимаю. А мне вот постоянно приходится этим заниматься.

– И что же вам подсказывает опыт?

– Пока он только ставит вопросы. Знаете что, на всякий случай, составьте мне подробное описание вашей поездки. С указанием всех мест, где вы побывали и где вели съемку.

– Вы полагаете, кого-то могла заинтересовать наша любительская видеосъемка?

– Господин Хууп, я не делаю преждевременные выводы, но стараюсь не упускать из виду любые, даже самые мало-значительные детали. Собственно, в этом и заключается моя работа. – И это была истинная правда. На текущий момент. – Вы можете описать внешность похитителя?

– Я видел его только со спины, когда он с камерой в руках

бросился бежать.

– А вы, госпожа Хууп? Вы, помнится, назвали его очень странным молодым человеком.

– Ну, мне он показался молодым, – кокетливо улыбнулась Марта. – На вид я бы дала ему лет тридцать или чуть больше. У него рыжие, коротко подстриженные волосы и очень странные зубы. Они как будто торчат вперед. – Марта подняла обе руки и резко выбросила пальцы. – Одет он был в серый клетчатый полуспортивный костюм.

– А почему вы назвали его странным?

– Походка у него была странная. Он шел, как по раскачивающейся доске. Казалось, ему стоит большого труда сохранять равновесие.

– Однако ж убежал он быстро, – ворчливо заметил Яан.

– Да, очень быстро, – согласилась Марта.

– Проворен, как обезьяна! – сжал руку в кулак Яан.

Он был возмущен.

А я – озадачен.

Глава 3

Марта Хууп дала исчерпывающее описание злодея. Настолько, что я мог назвать его имя с уверенностью в сто двадцать три процента. Поэтому вместо того, чтобы идти в службу безопасности ГУМа и просматривать там записи камер наблюдения, надеясь опознать преступника, я отправился в «Дыру».

«Дыра» – это трактир, расположенный неподалеку от ГУМа, на Никольской. Хозяин трактира Виктор Петрович Полутруп. Многие считают, что Полутруп – это кликуха такая. На самом деле это его настоящая фамилия. Во всяком случае, сам Полутруп так утверждает. И даже рассказывает историю, откуда такая взялась. Если верить Витьке, то некий его далекий предок, будучи крепостным крестьянином, стащил у барского детеныша учебник арифметики. Читать Витькин предок мало-мальски умел, потому как барин у него был прогрессивных взглядов и нанял специального учителя всех своих крестьян грамоте обучать. Ну, может, конечно, что и не всех, а некую выборочную, экспериментальную группу, чтобы посмотреть, насколько проще будет с грамотными крестьянами дело иметь. А может, и наоборот. Но факт тот, что Витькин далекий предок, освоив грамоту, взялся грызть каррарский мрамор арифметики. И так его эта самая арифметика пробрала, что он принялся строить соб-

ственные научные, как он полагал, умозаключения. Когда ж барин про то прознал, он велел привести к нему этого шибко грамотного пейзажиста. И попросил, а может, и потребовал, чтобы тот поделился с ним своими теоремами. И Витькин предок поведал барину следующее. С помощью знаний азов математики он легко и, что самое главное, вполне непротиворечиво доказал, что живой человек – это то же самое, что и мертвый. Логика была следующая. Сначала Витькин предок спросил у барина, согласен ли он с утверждением, что полумертвый это все равно, что полуживой. Барин, подумав, согласился. Арифметика же, продолжил многомудрый Витькин предок, учит нас тому, что ежели половинки двух целых чисел равны меж собой, так и сами числа также окажутся равны. Ну, а ежели так, то выходит, что мертвый равен живому. Барин долго смеялся, решив, что грамотный крестьянин ловко над ним подшутил. А закавыка была в том, что Витькин предок и не думал шутить. Он все это серьезно говорил. С тех пор барин стал звать Витькиного предка Полутрупом. А заодно с ним и остальные. Прозвище крепко прилипло ко всему роду будущих Полутрупов и со временем стало фамилией.

Вот такая история. Врал Витька или нет – кому какая разница. Главное, все знали, что спорить с Витькой по этому вопросу не стоит. Полутруп, когда заводится, в раж входит, совсем дурным делается и черт знает что наворотить в таком состоянии может. Говорят – опять же, только что говорят! –

что одному из особо настойчивых спорщиков он просто взял да и воткнул в глаз вилку. Кто-то ставит под сомнение достоверность сего события. Я же, зная Витькин нор, не стал бы исключать и такой вариант исхода спора.

Но мне-то Виктор Петрович Полутруп нужен был вовсе не за тем, чтобы копаться в его родословной. Под присмотром Витьки находились не менее сотни профессиональных карманников, жуликов и лоховщиков, работающих исключительно в крупных супермаркетах. В том числе и в ГУМе. А «Дыра» была для Витьки всего лишь официальным прикрытием. Виктор Петрович работал аккуратно, всех своих шапок держал в узде, платил мзду кому полагается, регулярно сдавал какую-нибудь мелкую шелупонь милиции для отчетности и обо всем, что делается, докладывал «семье». Поэтому-то и странно мне было, что один из постоянных Витькиных работников так глупо, да что там глупо, – бездарно и бессмысленно прокололся?! Но, с другой стороны, мне-то что за дело до Витькиного жулья? Мне нужно получить назад камеру эстонцев, а с остальным пускай он сам разбирается.

Спустившись на три ступеньки вниз, я постучал в дубовую, с низкой притолокой дверь, окованную тяжелым железом. «Дыра» была стилизована под древнерусский сказочный разгульный дом. Если, конечно, таковые водились в Древней Руси. Но ведь, если подумать, должны были где-то Илья Муромец с Алешей Поповичем бражничать? Должны! Не во чистом же поле? Нет! Выходит – имелись разгульные

дома на Руси.

Вот только охранники с пистолетами за дверями в них не стояли.

Глаз охранника недобро зыркнул на меня через маленькое окошко. Никакой тебе системы внешнего наблюдения. Все как в старину. Полное ретро.

– Чего надо? – Голос у охранника, будто треск камней в камнедробилке.

– Ты что, новенький?

– Чего надо?

– Хочешь в глаз или в рыло?

Охранник задумался.

Полутруп всегда отдавал предпочтение таким вот тугодумам. Почему? Он считал, что от охранников большого ума не требуется. Зато тугодум пять раз подумает, прежде чем что-то сделать. И двадцать пять раз – прежде чем продать. Ну а пока он раздумывать будет, можно успеть принять превентивные меры.

Охранник за дверью задвигался, что-то забурчал.

Все правильно. Я откровенно нарывался, а Полутруп строго-настрого велел своим охранникам по возможности избегать любых конфликтных ситуаций. На фиг ему разборки в центре Москвы? Ежели что, можно и в другом месте поговорить. Или пострелять. Вот и звонит теперь дуболом Полутрупу, чтобы получить дополнительные инструкции на мой счет.

Конечно, можно было и проще поступить: позвонить Полутрупу самому и сказать, что это я пришел. Тогда охранник приветливо распахнет передо мной дверь и лично проводит до покоев босса. Но любой турист знает, что самый простой маршрут далеко не всегда самый живописный.

Охранник, видно, не смог толком объяснить Витьке, что здесь происходит. Либо не въехал в смысл полученных инструкций. Как бы там ни было, он снова распахнул окошко и уставился на меня, как прекрасная дама, дождавшаяся наконец своего рыцаря.

– Чего надо?

Окошко было прорезано точно, чтоб кулак пролез. И я его туда сунул.

Громила охнул, скорее от неожиданности, чем от боли. Удар получился не слишком сильный, но такого нахальства громила явно не ожидал. К тому же обидчик не кинулся бежать, а остался стоять под дверью и нагло лыбил, глядя на то, как охранник прикрывает ладонью ушибленный глаз. Кровь ударила здоровяку в голову, уровень адреналина зашкалил примерно вдвое, душа возжаждала мести, и, забыв о том, что нужно посоветоваться с боссом, охранник кинулся получать сатисфакцию. Естественно, он даже и не думал, что вместо сатисфакции может получить еще раз в глаз. Или в рыло. Тут уж, как получится – на этот раз я выбор ему не предлагал.

Громила рванул дверь на себя, рассчитывая немедля вы-

прыгнуть за порог и поквитаться с наглым обидчиком. В принципе, план был неплохой. Несколько прямолинейный, но – неплохой. У него было лишь одно слабое место – он не учитывал того, что я могу оказаться умнее его. И я, понятное дело, не преминул этим воспользоваться. Вместо того, чтобы принять защитную стойку, я ухватил дверь за ручку и уперся ногой в косяк. Не в силах понять, что же это я такое вытворяю, охранник с удвоенной силой рванул дверь на себя. Я понял, что пора ему помочь, и навалился на дверь плечом. Не рассчитывавший на такое здоровяк потерял равновесие, отшатнулся к стене и в добавок получил краем двери в грудь и тяжелой, металлической дверной ручкой в живот. Не давая громиле прийти в себя, я еще раз шарахнул его дверью. Ну а после он получил все, что я ему обещал – и в глаз, и в рыло и в пузо.

Приятно было осознавать, что я голыми руками – дверь не в счет! – завалил тренированного здоровяка на голову выше меня и вдвое шире в плечах. Но при этом я и не думал, уподобясь древним кельтским воинам, танцевать джигу над поверженным врагом. Громила хоть и валялся на полу, но уже размазывал кровавые сопли по щекам. И взгляд его становился все более бешеным.

Не дожидаясь, когда он окончательно придет в себя, поднимется на ноги и размажет меня по стенке, я рванул мимо проводившего меня удивленным взглядом гардеробщика в обеденный зал.

Посетителей, как обычно, было немного – желающих перекусить и скоротать время отпугивали безмерно высокие цены в «Дыре». Витька Полутруп брал цены для меню не с потолка даже, а из другого измерения. Тех же, кто не побоялся заявленных в меню цен, в конце вечера ждал неприятный сюрприз – Витька требовал расчета не в рублях, а в адских шеолах. Одним словом, хозяин трактира делал все от него зависящее, чтобы посетители обходили его заведение стороной. Оно и понятно – у него здесь своя компания собиралась. Однако ж декорирован трактир был со вкусом. Стильно. Витя любил ретро. Или, как сам он это называл, фолк. Иногда даже по залу небольшой черный поросенок по имени Валуй бегал. Для колорита. Но сейчас Валуй мирно спал в своем домике. А посетители вкушали обед, не зная еще, во сколько он им обойдется.

Перепрыгнув через невысокую изгородь, увитую живыми виноградными лозами, я совершил верный маневр. Я почти вдвое сократил себе путь до Витькиного кабинета. Бежавший следом за мной охранник, попытавшись повторить мой трюк, зацепился за изгородь, грохнулся на пол, повалил всю декорацию и запутался в лозах. Это дало мне возможность перейти на шаг, отдышаться и поправить шляпу.

В кабинет Полутрупа я вошел, улыбаясь, с таким видом, будто только что совершил умиротворяющую прогулку по морскому берегу.

Увидев меня, Витька Полутруп поднялся из-за стола и

приветливо раскинул руки, будто собирался заключить меня в объятия.

– Дмитрий Алексеевич! Какими судьбами?

На хозяине «Дыры» и управляющем всего мелкого московского воря, как всегда, был узкий черный костюм, который сам он почему-то называл деловым, розовая рубашка с кружевным воротником и белый галстук в синий горох. Темные волосы гладко зачесаны назад, узенькая полоска усов аккуратно подстрижена.

Помня о том, кто спешит за мной следом, я сделал шаг в сторону. И влетевший в кабинет охранник едва не угодил в объятия босса.

– Это что за хрень такая? – обратился Полутруп к охраннику таким голосом, что ясно стало, простым увольнением нерадивого стража дверей дело не обойдется.

– Это он! – обиженно ткнул в меня пальцем громила.

Полутруп даже бровью не повел в мою сторону.

– Что – он?

– Он... – Охранник шмыгнул расквашенным носом и запястьем утер текшую из ноздри кровь. – Он вошел! Без спроса!

– Вошел, значит?

– Да! Вошел!

– И морду тебе расквасил?

– Он дверью!

Охранник еще раз провел под носом запястьем, не стирая,

а только размазывая кровь.

Витька посмотрел на меня.

Я молча пожал плечами – ну, с дурака какой спрос?

– Так, значит. – Витька с тоской посмотрел на охранника. – Для начала принеси свои извинения Дмитрию Алексеевичу.

– Извиняюсь, – мрачно буркнул громила.

– Искренние извинения!

– Извините меня, Дмитрий Алексеевич, – охранник шмыгнув носом и добавил: – Я был не прав.

– В чем именно ты был не прав? – поинтересовался я.

– Во всем! – не задумываясь ни на секунду, взял всю вину на себя громила.

Вот и мне нужно было так же с Лоей.

– Вы удовлетворены, Дмитрий Алексеевич? – обратился ко мне Витька.

– Вполне. – Я взял стул и сел, закинув ногу на ногу.

– Пошел вон, – спокойно сказал охраннику Полутруп.

И тот пошел, куда ему было сказано.

– И где ты только таких дуболомов находишь? – поинтересовался я, когда закрылась дверь за побитым охранником.

– Хороший парень, – кивнул вслед ушедшему Полутруп.

Я не стал спорить. В конце концов, какое мне дело до того, по каким критериям Полутруп себе обслугу выбирает?

– Отобедать к нам зашли, Дмитрий Алексеевич?

– Нет.

– Уверены? А то смотрите, у нас сегодня супчик из стерлядки, филе по-деревенски и шпигованные баклажаны по-гасконски.

– Мне нужен Макак.

– Зачем?

– Мы с ним договаривались чаю выпить, а он не пришел.

– Дмитрий Алексеевич, – с укоризной наклонил голову Полутруп. – Вы же знаете. Я всегда готов вам помочь. Но я должен знать, какие проблемы могут возникнуть в результате этого у моего человека. Ибо я в ответе за тех, кого приручил.

– Макак сам создал себе проблемы. Целую кучу проблем. Которую лучше поскорее разгрести.

– Могу я поинтересоваться, что же такого сотворил пресловутый Макак?

– Пресловутый Макак в ГУМе у фонтана спер камеру у пары туристов.

Услыхав такое, Полутруп буквально онемел от изумления. А может, и от страха. Если Макак был придурком и не понимал, что творил, то Витька полностью отдавал себе отчет, что за проделки Макака отвечать и ему придется. Если, конечно, дело дойдет до Соломона.

– Кому об этом известно?

– Ну, за исключением пострадавших и свидетелей, только мне.

– Можно решить проблему по-тихому?

– Пострадавшие хотят вернуть свою видеокамеру.

– Да я куплю им десяток камер! А с Макака сам шкуру спущу!

– Ты не понял, Виктор. – Я медленно и, смею полагать, выразительно покачал головой. – Они хотя вернуть *свою* видеокамеру.

– Да какая разница!..

– Мы будем спорить или искать Макака?

– Да, конечно. Как скажете, Дмитрий Алексеевич.

Полутруп был не на шутку перепуган. А, может быть, уже почувствовал себя жертвой фамильного проклятия. Или еще чего похуже.

Витька достал коммуникатор и сделал несколько звонков. После чего нам стало известно, что сегодня Макак на работу не вышел – его не видели ни на одной из точек, закрепленных за командой Полутрупа. Домашний его телефон и мобильник не отвечали.

– Где живет Макак?

– В Солнцево.

– И что ж, он оттуда каждый день сюда, как на работу, мотается? – удивился я.

– Почему «как»? На работу! Читали в детстве Маяковского? «Все работы хороши, выбирай на вкус»! Вот так! Великий, между прочим, пролетарский поэт!

– Полагаю, великий пролетарский поэт совсем не Макака имел в виду.

– Владимир Владимирович не делал никаких исключений! Он написал: «Все работы хороши»! Между прочим, в персональном списке он работу частного детектива также не упомянул.

– Зато не забыл милиционера.

– Лучше бы забыл.

– Ладно, давай адрес Макака.

– Вы на машине?

– Нет.

– Тогда, пожалуйста, я вас отвезу.

– Не стоит.

– О! Позвольте уж мне самому решать, что чего стоит!

– Только, чтобы Маяковского в машине не цитировать, – предупредил я.

– Договорились.

Полутруп достал из ящика стола маленький, кажущийся почти игрушечным пистолет «Вектор» и сунул его в боковой карман пиджака.

– Зачем тебе оружие?

– Можно подумать, у вас его нет.

– Мне по штату положено.

– А я на всякий случай взял.

– Мы же едем не на войну, а к твоему другу.

– Который, заметьте, на работу не вышел и на телефонные звонки не отвечает. Вас это не настораживает?

– Пока – нет.

– У Макака множество недостатков, но вот необязательность не из их числа. Он если сказал, то – сделал.

– И что же он должен был сделать?

– Он должен был выйти сегодня на работу и ответить на мой звонок.

Полутруп быстренько выбежал из-за стола, глянул на себя в большое зеркало на стене и поправил маленький золотой значок с профилем Президента на левом лацкане.

– Когда в партию вступил, Виктор Петрович? – усмехнулся я.

– А как только позвали, так и вступил, – ничуть не смутившись, ответил Полутруп.

– То-то, смотрю, ты великих пролетарских поэтов цитировать начал.

– Одно другому не мешает.

– А с совестью как?

– А это уже слишком личный вопрос, чтобы отвечать на него малознакомому человеку. Но вам, Дмитрий Алексеевич, могу сказать, как на духу!..

– Не стоит.

– Тогда ответьте и вы на личный вопрос. Чего ради вы бузу с охранником затеяли? Не могли просто сказать, что вы ко мне?

Я подумал и улыбнулся.

– Нужно было напряжение скинуть.

– Ну и как? Получилось?

– Да.

Я и в самом деле чувствовал себя значительно лучше, чем с утра. Хотя причиной тому была вовсе не разбитая морда охранника, а то, что я включился в привычный рабочий ритм.

Однако ж не могу сказать, что мысли о Лое, о том, как нам с ней теперь быть, больше не заглядывали в голову. Заглядывали! Да еще как! Однако ж, если я каждый раз при мысли о Лое стану морды кому попало бить, до добра это не доведет. Точно.

Нужно менять тактику.

Глава 4

Макак был дома.

Мы узнали об этом после того, как водила Полутрупа отмычкой вскрыл дверь Макаковой квартиры.

Квартира была маленькая, однокомнатная. Обставленная кое-как. Большая часть мебели, по всей видимости, перекочевала сюда с ближайшей помойки.

Макак в своем дурацком клетчатом костюме лежал в комнате на полу. В луже собственной крови.

Я присел на корточки рядом с трупом. Потрогал пальцем запекшуюся кровь. Судя по состоянию крови, выпустили ее из Макака самое большее два часа назад.

Я осмотрел рану на шее. Горло Макаку перерезали профессионально. От уха и до уха. Действовали, скорее всего, очень хорошим, остро заточенным ножом.

Я поднялся на ноги и осмотрел квартиру. Все было перевернуто вверх дном. Судя по всему, это было обычное состояние Макаковой квартиры. Даже если в комнате произошла драка, вряд ли это привнесло что-то новое в интерьер. Ну, разве что некоторые вещи изменили местоположение.

Конечно, можно было пригласить Анса и попросить его снять отпечатки пальцев. Или опросить соседей – может быть, они слышали шум или видели кого-то чужого? Но чутье подсказывало мне, что это было бы пустой тратой време-

ни и сил. Почему? Да потому что я обязан был заявить об убийстве в милицию. А как только за дело возьмется уголовный розыск, нас отпихнут в сторону. На том все и закончится.

Полутруп, однако ж, не забыл, чего ради мы решили навести визит Макаку.

– Камеру ищи! – ткнул он в бок уставившегося на труп водилу. – Камеру!

Водила шустро принялся за дело.

Однако я был уверен, что камеру мы в квартире Макака не найдем.

Если убийца и оставил на месте преступления какие-то следы, в чем я сильно сомневался, то рьяный водила очень скоро их уничтожил. В кавардак, царивший в квартире Макака, он умудрился привнести нечто новое, что можно было даже назвать определенным стилем.

Витька Полутруп с мрачной миной на лице наблюдал за творчеством водилы. Сейчас ему камера нужна была больше, чем в тот момент, когда мы стояли у двери. Будь Макак жив, ему самому пришлось бы отвечать за содеянное. А Полутруп отделался бы легкой взбучкой. Теперь же Виктор Петрович становился главным ответчиком по делу об ограблении туристов в ГУМе у фонтана. И он лучше, чем кто-либо другой, понимал, чем это чревато. Если для меня найти пропавшую видеокамеру было делом профессиональной чести, то для Полутрупа – вопросом жизни и смерти, быть

может.

– За каким чертом он дернул эту видеокамеру? – произнес Витька, глядя не на меня и не в сторону, а как будто вглядываясь в глубь самого себя. Или – в будущее. – Он ведь вовсе не дурак был. Ну, то есть, дурак, конечно, но ведь не полный идиот. Прекрасно понимал, что воровать у туристов нельзя. Тем более в ГУМе.

– На глазах у камер наблюдения, – добавил я. – Если бы я не узнал Макака по описанию пострадавших, я бы первым делом пошел в службу безопасности ГУМа, чтобы вычислить вора.

– Полагаете, его за эту видеокамеру грохнули? – спросил на меня взгляд Полутруп.

– А есть другие предположения?.

Витька озабоченно поджал губы.

– Ну, и что мы теперь будем делать?

– Мы? – удивился я.

– Полагаю, у нас теперь есть общий интерес. Вы хотите найти убийцу...

– Мне нужна только видеокамера. Уголовщиной я не занимаюсь. Кстати, нужно сообщить об убийстве.

– Я думаю, с этим можно и повременить.

В принципе, Витька был прав. Лишний шум вокруг этого дела нам пока ни к чему. С другой стороны, я был обязан информировать милицию обо всех подобных случаях. Иначе я мог поплатиться лицензией.

– Для того чтобы найти видеокамеру, вам нужно отыскать убийцу Макака.

– А ты чем будешь заниматься в это время?

– Всемерно и усердно помогать вам, Дмитрий Алексеевич. У вас ведь в этом деле опыт поболе, чем у меня. Так что жду ваших указаний.

– Только на зарплату не рассчитывай, – недовольно скривился я.

Я не хотел этого показывать, но в данной ситуации помощь Витьки Полутрупа могла оказаться весьма существенной. Используя его связи, можно попытаться восстановить все события последнего дня жизни несчастного Макака, отследить буквально каждый его шаг. И, кто знает, может быть, нам повезет. Если окажется, что Макак избавился от видеокамеры до своей преждевременной кончины, это здорово облегчит жизнь тем, кто сейчас стоял над его трупом.

Водила в сердцах шарахнул о стенку последний остававшийся целым табурет.

– Нету! – с досадой развел он руками.

– Как и следовало ожидать.

Витька преданно смотрел на меня, ожидая дальнейших указаний. Я для него теперь был надежда и опора. Царь и бог в одном лице. А мне нужно было собраться с мыслями, чтобы решить, что делать дальше. В смысле, с чего следует начинать поиски убийцы, мне было совершенно ясно. Вопрос в том, не стоит ли, пока не поздно, вовсе отказаться от это-

го дела. Извиниться перед эстонцами, вернуть им деньги и сплести какую-нибудь затейливую сказочку, чтобы убедить их оставить дальнейшие поиски и смириться с потерей памяти о путешествии в Рай и Ад. Наверное, это было бы самое правильное решение. Пусть Витька сам разбирается со своими проблемами. Кто он мне? Не друг и не брат. А впутаться в дело с убийством для частного детектива хуже, чем СПИД подцепить: там хоть бывают случаи выздоровления.

Так что же, спрашивается, удерживало меня от того, чтобы сделать Полутрупу ручкой и отправиться к себе в офис? Два слова – Лоя Розье. Имя и фамилия. Если я сегодня закрою дело, то завтра я уже не увижу Лою в агентстве. И, готов поспорить, она позаботится о том, чтобы старательно замазать свое имя на двери.

Значит, расследование продолжается?

Почему мне все время приходится принимать самые непростые решения? Это как называется? Судьба? Или плохая карма?..

И надо же, в тот самый момент, когда я уже готов был послать судьбу в Тмутаракань и попытаться как-то, хотя бы самую малость исправить свою будущую карму, в кармане у меня завибрировал коммуникатор. Достав который, я увидел Лою, глядевшую на меня с дисплея.

– Важный звонок, – кивнул я Полутрупу и пошел на кухню.

– Нам не стоит здесь задерживаться, – сказал он мне вслед.

– Я быстро.

Оказавшись на кухне, такой же грязной и захлавленной, как и комната, да к тому же еще и провонявшей прогорклым жиром и собачьими консервами, я закрыл за собой дверь и нажал кнопку приема звонка.

– Слушаю.

– Каштаков, тебе заняться нечем? – Голос Лои сочится ядом, как анчар.

– Не понял?

– Зачем ты взялся за дело этих эстонцев?

– А почему бы и нет?

– С ним бы и ивановская контора справилась.

– Во-первых, у нас сейчас нет других срочных дел...

– Ну так давай начнем бабушек через дорогу переводить!

Я сделал вид, что не услышал эту реплику. Меня так просто не проймешь.

– Во-вторых, дело гораздо сложнее, чем кажется.

– Это поиски-то сворованной видеокамеры? Подсказать тебе, где ее искать?

– Подскажи.

– Так ты ее еще не нашел?

Голос у Лои несколько озадаченный. Ага! Она по описанию узнала Макака, когда переводила мой разговор с клиентами в текстовой файл, и, конечно, была уверена, что камера уже у меня в руках.

– Я нашел вора.

– Так в чем проблема?

– В том, что он мертв.

– Мертв?

– Зарезан. Очень профессионально. Пару часов назад.

В коммуникаторе тишина. Так и подмывает сказать – мертвая. Но учитывая то, что в соседней комнате лежит труп, это было бы уже перебором. Небольшим, но все же. Как известно, палку лучше без нужды не перегибать, а гусей – не дразнить.

– Лоя?..

– Что ты собираешься делать?

– Ну, тебе-то какая разница. – Я постарался, чтобы голос звучал отстраненно, но не безразлично. – Ты ведь последний день...

– Я уйду, когда мы закончим это дело.

Есть!

План Анса сработал!

Теперь бы только самому не упустить свой шанс.

– Ну, конечно, тебе решать.

– Ты уже заявил об убийстве?

Пауза.

– Нет.

– Каштаков, ты что, не понимаешь, в какое дерьмо мы можем вляпаться из-за этого убийства?

Она сказала «мы» – это уже хорошо. Даже если речь шла о дерьме.

– Понимаешь...

Я и сам еще не знал, как объяснить Лое свое странное, на первый взгляд, поведение. На второй и третий взгляд оно будет казаться не менее странным. Да, наверное, и глупым к тому же. Но у меня было предчувствие, что я поступаю правильно. Милиция все равно не станет заниматься расследованием обстоятельств смерти мелкого полусумасшедшего воришки. Спишет все на воровские разборки и закроет дело. Поэтому ничего не изменится от того, что тело Макака найдут через день-другой. Кроме того, что за это время я, быть может, смогу найти того, кто перерезал Макаку горло. И выясню, что же за интерес представляет собой дешевая китайская видеокамера. Не яйцо же Фаберже в ней спрятано?

Я успел сказать только одно слово «понимаешь», когда коммуникатор тихо пискнул, сообщая, что кому-то еще не терпится со мной пообщаться. Я посмотрел на дисплей и чуть не выругался. Со мной жаждал говорить не кто-нибудь, а полковник Нового комитета государственной безопасности Вячеслав Семенович Малинин. Момент для беседы с ним был очень подходящий. Оставалось только надеяться, что его звонок никак не связан с похищением видеокамеры у пожилой эстонской пары. Иначе... Иначе я черт-те что начну думать. А именно – то, о чем мне думать совершенно не хочется.

– Каштаков?

– Прости, Лоя, у меня срочный вызов. Обсудим все, когда

вернусь.

– И когда ты вернешься?

Ну прямо ревнивая женушка, подозревающая, что благоверный ее, сказав, что задерживается на совещании, сам собрался с друзьями пивка дернуть!

– Часа через два. Мне нужно заскочить еще в одно место. По делу.

А я – как будто оправдываюсь.

Нет, так дело не пойдет! В конце концов, в агентстве мы все равноправные партнеры!

– Хорошо.

Она проявила снисходительность.

– Будь добра, найди Анса. Пусть он вернется в агентство.

– Сделаю. И вот что, Каштаков...

Многозначительная пауза.

А меня, между прочим, на линии полковник Малинин ждет.

– Да?

– Будь осторожен.

Она за меня переживает!

Или это всего лишь дежурная фраза?

– Ты же знаешь, Лоя, я всегда осторожен.

– Знаю. Поэтому и говорю: будь осторожен.

А такое замечание как расценивать?

– Пока. Я скоро буду.

– Пока.

Я дождался, когда Лоя первой нажала кнопку отбоя. После чего сразу переключился на полковника Малинина.

– Слушаю вас, Вячеслав Семенович!

– Что так долго не отвечаешь-то? А, Каштаков?

– У меня был важный разговор с клиентом.

– С клиентом, значит... Ты сейчас где?

– А что?

– Я спрашиваю, ты отвечай. Такие правила.

Малинин имел право так говорить. Без его одобрения мне не продлят лицензию частного детектива.

– На выезде.

– Хороший ответ. Ты молодец, Каштаков. Верткий и соображаешь живо. Но мне нужен более точный ответ.

– В центре. На Площади Ногина.

– Не ко мне ли в гости собрался?

– У меня тут встреча.

– С клиентом?

– Точно.

– Ты что, себе на мобилу новую глушилку поставил?

– Какую еще глушилку?

– Не прикидывайся лохом, Каштаков. Если бы не глушилка, я бы уже засек, где твой мобильник находится. И не задавал бы, между прочим, тебе лишних вопросов. И не сомневался бы, правду ты мне говоришь или врешь, как проповедник.

Вообще-то, он был прав. Я установил на мобильники всех

своих сотрудников новый вариант глушилки, когда понял, что защиту старой техники из НКГБ сломали. Между прочим, моя собственная разработка. В былые времена, еще до открытия Врат, я занимался разработкой и установкой охранных систем. Времена были не то чтоб совсем уж хорошие, но в целом неплохие. Трупы я видел, как и полагается, только на похоронах почивших своей смертью престарелых родственников. И полковники НКГБ не звонили мне по телефону. Да и сотовых телефонов тогда еще не было. Нынче странно даже представить, что были когда-то такие времена. А ведь действительно – были.

– Честное слово, не понимаю, о чем вы, Вячеслав Семенович.

– Ладно, проехали. Не о том сейчас разговор.

– А о чем тогда?

– О деле, которым ты сейчас занимаешься.

Я подумал о трупе, лежащем в соседней комнате. И мне стало грустно.

– Какое именно дело вас интересует? Бриллианты Маршака?

– Нет, пожилая эстонская пара, заходившая к тебе час назад.

Так.

Приехали.

Или – приплыли.

В общем – без разницы.

Что не так с этой клятой видеокамерой?

– И что именно вы хотели бы знать?

– Что им от тебя было нужно?

– Вы разве не прослушиваете мой кабинет?

– Кончай дурковать, Каштаков! Все на свете не прослушаешь! А ты не такая уж крупная птица, чтобы к тебе жучков пускать.

Обидно, конечно, что не заслужил. Ну, да ладно. Зато теперь я уверен в том, что моя система защиты от прослушивания работает безупречно.

– У эстонцев пропала видеокамера.

– И что?

– И они хотят получить ее назад. Они побывали в Аду и в Раю и все, что видели, снимали на камеру. А поскольку в их возрасте полагаться на память не приходится, они хотят вернуть свои записанные воспоминания.

– И все?

– Да.

– Не врешь?

– Когда я вам врал, Вячеслав Семенович?

– Всегда, везде и повсюду.

– Нет, только в особых случаях.

– А сейчас?

– Сейчас мне нечего скрывать, – я снова подумал, ангел его заberi, от трупе Макака. – Ничего не значащее дельце. Я взялся за него только потому, что других не было. Чтобы

форму не терять.

– О форме, значит, заботишься? Как спортсмен?

– Скорее, как артист.

– И что, артист, нашел ты камеру?

– Пока нет.

– Почему?

– Видите ли, есть проблемы...

Проблема номер один – вор зарезан неизвестным, забравшим, по всей видимости, камеру.

– Ты, Каштаков, не финти. Ты же меня знаешь – мне нужны точные ответы.

– Я еще не вышел на след похитителя.

– Где и когда этих эстонцев обокрали?

– Вчера, примерно в полдень, в ГУМе, у фонтана.

– Каштаков, ты меня дуришь, – с укоризной цокнул языком полковник Малинин.

– Никак нет, господин полковник!

– В ГУМе, у фонтана, на глазах у сотен свидетелей у туристов стащили камеру, и ты не можешь найти этого уroda? Не верю!

Тоже мне, Станиславский выискался.

– Верьте иль не верьте, господин полковник, да только так оно и есть.

– Ну, ладно, Каштаков. – Малинин, видимо, решил мне поверить. Не на все сто, конечно, но процентов на пятьдесят пять я его убедил. – Держи меня в курсе этого расследова-

ния. Как будут новости, тут же сообщай. Понял?

– Понять-то я понял, да только хотелось бы знать, где тут собака зарыта?

– Какая еще собака?

– Я хотел сказать, что мне не понятно, почему НКГБ проявляет интерес к обычной, я бы даже сказал, вполне заурядной, мелкой краже?

– НКГБ всем интересуется. Вот так-то Каштаков. Работа у нас такая – родину защищать. Бывай, Каштаков!

Я нажал кнопку отбоя и в задумчивости покрутил коммуникатор в руке.

НКГБ проявляет повышенный интерес к пожилой эстонской паре. Яан и Марта Хууп. С чего бы вдруг? Чекисты следили за ними и знали, что Хуупы побывали в моем агентстве. Но при этом они не знали, что у супругов вчера стащили видеокамеру. Из всего этого я пока мог сделать только один вывод – к смерти Макака чекисты не причастны.

Я снова включил коммуникатор и набрал номер Лои.

– Лоя, это я.

– Да?

– Проверь, пожалуйста, самым тщательным образом супругов Хуупов, что побывали у нас сегодня. Узнай о них все, что сможешь.

– В чем дело, Дима?

Ага!

Я уже не Каштаков, а Дима!

План Гамигина в действии!

– Их пасет НКГБ.

– Точно?

– Я только что разговаривал с полковником Малининым.

– Понятно.

– Все. Я скоро буду. Пока.

– Будь осторожен.

Не «целую», конечно, но все равно неплохо. Она обо мне беспокоится.

Я вернулся в комнату.

Полутруп и его водила все так же молча стояли над телом Макака, который был похож на муху, завязшую в вишневом варенье.

– Собери всю свою шпану и допроси с пристрастием, – сказал я Витьке. – Разузнай все что можно о Макаке. Распиши мне по минутам весь его вчерашний день. Куда он отправился после того, как умыкнул у туристов камеру? С кем встречался? О чем разговаривал? Может, удастся узнать, куда он дел эту камеру. Хотя в этом я сильно сомневаюсь. Сдается мне, что Макак не по собственному почину решил камеру умыкнуть. Кто-то заказал ему эту работу. И так заказал, что Макак не смог отказаться. Как по-твоему, он был алчен или азартен?

Витька озадаченно потер ладонью подбородок и глубоко-мысленно изрек:

– Это смотря в каком смысле.

– Да в каком хочешь.

– В карты он любил играть. В домино тоже. Считал, что здорово играет, из-за этого зарывался и частенько проигрывался. От денег тоже никогда не отказывался. Только все, что имел, быстро проматывал. Сам видишь, как жил.

Витька коротко взмахнул рукой, демонстрируя разгромленную квартиру.

– Значит, ему могли посулить большую сумму денег.

– А вместо этого зарезали?

– Его бы убрали в любом случае. Он был опасен, как свидетель, знавший заказчика.

– Так, может, лучше и не соваться в это дело?

– А что ты Соломону скажешь?

– Скажу, что Макак сам себя порезал... А туристам этим заплачу, чтобы молчали. Хорошо заплачу.

– Им нужны не деньги, а память.

– Отлично, я куплю им новый тур в Рай и Ад! Лучшие отели, VIP-зона! И камеру классную подарю. Чтобы снимали, сколько влезет. Дмитрий Алексеевич, вы только договоритесь с ними. Я на все согласен. В разумных пределах естественно.

– Ладно, посмотрим, что тут можно сделать. Но ты мне все же информацию о Макаке собери. И не тяни с этим.

– Сегодня же все сделаю! – радостно пообещал Витька.

Блекло-голубые глаза Полутрупа загорелись надеждой.

Сказать по чести, мне и самому не хотелось лезть в это

дело, к которому НКГБ проявлял странный, я бы даже сказал, противоестественный интерес. И чьи еще интересы могли тут схлестнуться, оставалось только гадать. Да, в принципе, одного НКГБ довольно, чтобы резко перестать думать о паре пожилых эстонцев, об украденной у них видеокамере, а заодно и о причинах, побудивших неглупого, вроде, вора Макака пойти на такое. Полагаю, мне удастся убедить супругов Хууп принять щедрое предложение Полутрупа. Но для начала мне нужно было потянуть время. До тех пор, пока Лоя не передумает уходить из агентства, она должна быть уверена, что мы ведем серьезное расследование. Значит, я должен делать все как обычно.

Глава 5

Витька Полутруп подкинул меня до ГУМа.

В магазине я сразу поднялся на третий этаж, где располагалась служба безопасности. Здесь я был частый гость, поэтому без лишних вопросов и проволочек меня пропустили в комнату видеонаблюдения.

На двух рядах тусклых мониторов размеренно, плавно текла повседневная жизнь супермаркета. Как будто весь огромный магазин оказался сложен, плотно упакован, перекодирован и заперт в маленькой комнатке. Широкие, натруженные зады охранников с профессиональным усердием давили маленькие, круглые сиденья вращающихся стульев.

– Смотрите-ка, кто пришел! – приветствовал меня усатый Толян.

– Опоздал! Порнушка закончилась! – поддержал его лысоватый Серж.

ГУМ был одним из многих мест в Москве, где с моими клиентами постоянно случаются какие-нибудь несчастья. Как правило, с ними легко удастся разобраться, если внимательно посмотреть видеозапись с места происшествия. Поэтому я старался поддерживать приятельские отношения с охранниками, занимающимися видеонаблюдением. Интересовался успехами детей в школе. Дарил подарки на праздники и дни рождения. А в случае, если помощь охранни-

ков оказывалась действительно полезной, расплачивался по установленному тарифу. Это называется «взаимовыгодное сотрудничество».

– Мне нужна вчерашняя видеозапись. Место – открытая блинная возле фонтана. Время – с двенадцати тридцати до тринадцати.

Охранники как-то странно переглянулись. Как будто молча советовались, стоит ли мне говорить то, что им известно, или же лучше промолчать.

Я сделал вид, что ничего не заметил.

– Ну, так что? Поможете?

– А что там произошло? – поинтересовался Серж.

– Обокрали моих клиентов.

Охранники снова посмотрели друг на друга.

– Вообще-то этой записи у нас нет.

– Как это нет? – удивился я. – Камера не работала?

– Незадолго до тебя явился чекист и забрал диск с этой записью. Сказал, что дело государственной важности. Даже официальную расписку оставил. – Толян сдернул со стола лист бумаги и протянул его мне. – Можешь посмотреть.

Вот оно как! Выходит, полковник Малинин зря время не терял.

Я сделал отрицательный жест рукой. У меня даже сомнений не возникло в том, что документ был настоящий.

– Так он забрал оригинальный диск?

– Я предложил ему сделать копию, но он сказал, что ему

требуется оригинал.

– Точно, – подтвердил Серж.

– И другого варианта этой записи у вас не осталось?

– Нет, – с прискорбием развел руками Серж. – Зато есть много других.

– Мне нужна именно эта.

– Очень нужна? – хитро так прищурился Толян.

– Очень.

Толян посмотрел на напарника.

– Ну, если очень, тогда, конечно, – глубокомысленно изрек Серж.

Толян поднялся со стула и заговорщицки подмигнул мне.

– Пошли.

Мы вышли из помещения охраны, спустились на первый этаж и направились к центру магазина. Как я подозревал, к фонтану.

– Фокус в том, что ряд камер наблюдения, в том числе и та, которая тебя интересует, оснащены собственными мемками, на которые делается запись в автоматическом режиме. Емкости мемки хватает на сорок восемь часов записи. Раз в двое суток, ровно в полночь, старая запись стирается и начинается новый цикл. Если обнуление интересующей нас мемки не произошло прошлой ночью, значит, на ней сохранилась интересующая тебя запись. А вот и она.

Камера была установлена на стене, как раз напротив блинной.

Толян заглянул в ближайший отдел и вернулся оттуда со стремянкой. Забравшись по лестнице, он заглянул в объектив камеры, улыбнулся и сделал знак рукой напарнику. После чего открыл корпус камеры и достал из нее мемори-карту.

– Тебе повезло, – сказал он, протягивая мне мемку. – Обнуление запланировано на сегодняшнюю ночь.

Ну что ж, везение – это тоже немаловажная деталь в работе частного детектива. Хотя на одном везении, конечно, не вырулишь.

Я вставил мемку в разъем своего коммуникатора и сделал копию всего содержимого.

– Толян, я твой должник, – сказал я, возвращая охраннику мемку.

– Это точно, – совершенно серьезно ответил он.

И я знал, когда придет срок, он потребует вернуть ему долг.

Толян он такой, только прикидывается простачком.

Что ж, пока игра между командами НКГБ – Частное детективное агентство «Каштаков, Гамигин и Розье» шла почти на равных. Мы даже несколько опережали чекистов – им пока не было известно о безвременно почившем воре Макаке. Но, просмотрев запись камеры наблюдения, они тут же кинутся на его поиски.

Меня беспокоило другое – я не знал названия третьей команды, ведущей какую-то свою игру. Кто убил Макака? И

кому, черт возьми, понадобилась видеокамера Хуупов?

Глава 6

Вагентстве меня уже ждали.

– Ну, рассказывай, что там? – налетел на меня Анс, не успев я порог переступить.

Лоя была более сдержанна. Она просто положила мне на стол стопку распечатанных на принтере листов. Но по всему было видно, что ей тоже не терпелось узнать все перипетии моего путешествия к трупам Макака и обратно.

Я не торопился. Я даже несколько затягивал действие, дабы придать драматизм каждому своему движению и жесту. Но сегодня я мог себе это позволить – это был мой день.

Я снял шляпу и кинул ее на вешалку. Вынул из кармана пиджака коммуникатор – мой главный козырь – и аккуратно положил на стол. Затем снял пиджак, повесил его на вешалку и стряхнул несуществующую пыль с левого рукава. По локоть закатал рукава рубашки. Сел в кресло и подчеркнуто серьезно посмотрел на своих коллег. После чего спросил:

– Как насчет чая?

– Чай? – Лоя посмотрела на меня так, будто я рассказал в высшей степени неприличный, да к тому же еще и плоский, как паркетная доска, анекдот и теперь жду, когда все рассмеются.

– Да, чай. Лучше зеленый, – секундная, едва уловимая пауза. – Если нет, то я поднимусь к себе в квартиру...

Лоя сорвалась с места и вылетела из кабинета. Будто язык пламени полыхнул.

Я заговорщицки подмигнул Ансу.

Гамигин с неодобрением покачал головой. Видимо, избранная мною тактика казалась ему неверной. Но я-то знал, что делаю. Лоя хотела заботиться обо мне – милости просим! Пусть начнет с чая.

– Во что мы вляпались на этот раз? – поинтересовался Гамигин.

– Пока на моей совести только труп, скрытый от милиции.

Лоя вернулась и поставила передо мной большую чашку чая с надписью «Не так страшен черт». Это была идея Лои. Мы специально заказали полсотни чашек с такой надписью. Для посетителей. Чтобы подспудно загонять им в подкорку чертовски правильные мемы.

– Спасибо, дорогая, – улыбнулся я.

Смею полагать, улыбка была обаятельная, доброжелательная и располагающая.

Но у Лои лицо будто маска, высеченная на камне. Или – отлитая в бронзе. Да, в бронзе, пожалуй, лучше.

Чай был только-только залит кипятком и еще не успел настояться. Я взял со стола костяной нож для бумаги – кто-то из клиентов подарил – и начал неторопливо помешивать им в чашке.

– Лоя, если не трудно, перескажи коротко, своими словами, что тебе удалось нарыть на Хуупов? Только самую суть.

– Если коротко, то – ничего, – сказала Лоя и умолкла. Я-то думал, что это присказка, и ждал продолжения. Но Лоя продолжала молчать.

И это была уже не театральная пауза, а скучный, лишенный драматизма финал.

– А можно чуть поподробнее?

– Марта и Яан Хуупы – хорошие, милые и порядочные люди. Всю свою жизнь прожили в Вильянди. Поженились, когда Яану было тридцать два, а Марте – двадцать девять. У них один ребенок – сын Айну. Сейчас ему тридцать три. До пенсии Яан работал на тракторном заводе. Марта – библиотекарем. Яан трижды побеждал на местном конкурсе рыбаков. Марта – четырежды на конкурсе садоводов. Никаких контактов с криминалом. Если хочешь знать мое мнение – они абсолютно чисты.

– Если сами эстонцы вне подозрения, могу предложить рабочую версию. – Анс, по всей видимости, уже успел ознакомиться со всеми распечатанными Лоей документами. И так же, как Лоя, был уверен, что разрабатывать самих Хуупов не имеет смысла. – В камеру, без ведома владельцев, было спрятано что-то, что нужно было нелегально провезти в Москву через адскую или райскую таможню.

Другой вариант – чтобы подыграть мне, Анс намеренно пытается запутать ситуацию.

Ну-ну, посмотрим.

– Что можно спрятать в любительскую видеокамеру так,

чтобы она при этом не перестала работать?

– Информацию, – тут же ответила Лоя.

– То есть ты думаешь, что мемори-карту в их камере могли подменить?

Лоя усмехнулась.

– Зачем делать сложно то, что можно сделать просто? Необходимую информацию в сжатом виде могли загрузить на их же мемку.

Я вынул из чашки нож для бумаги, которым ни разу в жизни не пользовался по прямому назначению, стряхнул повисшую на кончике каплю и положил на стол. Попробовав чай, я удовлетворенно кивнул – теперь его можно было пить. И не просто пить, а пить с удовольствием.

– И это можно сделать так, чтобы хозяева не заметили?

Лоя взяла со стола инструкцию к видеокамере Хуупов и кинула мне под нос.

– Ознакомься с техническими характеристиками.

– Зачем? – Я сделал глоток чая. Как бы случайная пауза. – Ведь у меня есть ты.

– А в камере есть инфракрасный порт. И с его помощью можно проделывать всякие любопытные фокусы.

– Нет, – покачал головой Анс. – Все равно в этом нет логики. Зачем проделывать столь сложную многоходовку: сначала тайно грузить на чужую мемку секретную информацию, затем отслеживать перемещение Хуупов, чтобы в конце концов украсть у них эту камеру...

– Потом еще нужно было зарезать укравшего камеру Макака, – добавил я.

– Точно, – согласился Анс. – И чего ради нужно было все это, если можно просто положить мемку себе в карман. Ну или вставить ее в такую же камеру, чтобы изобразить туриста. На адской таможне не такой уж строгий контроль. Райские таможенники работают основательнее, но даже там никому не придет в голову просматривать все носители информации, которые везут с собой туристы.

– Хорошо, давайте пока оставим вопрос о том, какой интерес представляет собой камера Хуупов, – предложила Лоя. – Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Кто может стоять за ее похищением?

– Кто угодно, – тут же дал самый точный из всех возможных ответ Гамигин.

– Только не НКГБ. Мне звонил полковник Малинин. Ему известно, что Хуупы были у нас в агентстве, но он понятия не имел, зачем они приходили.

– «Семья»?

– Ну, ты сказал! «Семья» сделала бы все намного аккуратнее, не прибегая к помощи какого-то там Макака. Хуупам просто подменили бы камеру на точно такую же. Скажем, в отеле, где они остановились. И даже серийные номера на новой камере были бы те же, что и на их собственной. Так, что и не отличишь!

Лоя была права. У «семьи» имелись высококлассные спе-

циалисты в самых различных областях. И работали они, если требовалось, очень элегантно.

– Так кто же остается? Святоши?

– А почему ты думаешь, что Служба специальных расследований Сатаны не имеет к этому никакого отношения?

– Я этого не говорил.

– Но подразумевал.

– Полчаса назад мне звонили бывший шеф из Службы специальных расследований Сатаны, – прервала наш спор Лоя. – Он интересовался, по какому вопросу обращались к нам супруги Хууп.

– Вот как! – Я бросил торжествующий взгляд на Анса. – И что ты ответила?

– Что я уже сдала все дела и более в агентстве не работаю.

– Молодец! Если что, ври в том же духе!

– Но я действительно ухожу. Как только мы закончим это расследование.

– Вот, когда закончим, тогда и поговорим.

– Здесь не о чем разговаривать!..

– Друзья мои! – прервал нашу перепалку бдительный Гамигин. – Давайте отложим спор и займемся более актуальными вопросами.

Отлично сказал! Я бы сам не смог сформулировать лучше!

– Мы слушаем тебя, Анс.

– Если представитель Службы специальных расследова-

ний Сатаны интересовался у Лои, по какому вопросу обращались к нам Хуупы, значит, он так же, как и Малинин, понятия не имеет о похищении камеры.

– Однако ж, выходит, что спецслужбы Ада так же, как и чекисты, следят за Хуупами. Почему? – задав этот вопрос, я посмотрел на Лою. – По твоим словам, эстонцы безукоризненно чисты.

– Есть одна зацепка.

– Какая?

– Их сын, Айну Хууп.

– А что с ним не так?

– Айну Хууп – признанный во всем мире авторитет в области стат-программирования. Кроме того, у него опубликован ряд работ по математической теории сложных неустойчивых систем. За разработку этой теории он получил несколько научных премий, среди которых...

– Постой, постой! – Я понял, что если не остановлю Лою сейчас, то окончательно запутаюсь. – Объясни для начала, что это за стат-программирование?

Лоля одарила меня очень добрым и всепрощающим взглядом патронажной медсестры, наблюдающей за тридцатилетним недорослем, для которого смысл жизни заключается в том, чтобы по схеме научиться собирать кубик Рубика.

– Помнится, ты рассказывал, что пару лет назад тебе приходилось иметь дело с дэд-программистами.

– Это полусумасшедшие ребята, вживляющие себе в моз-

ги всякие устройства, чтобы использовать собственную голову, как игровую приставку.

– Стат-программирование – это примерно то же самое, но наоборот.

Чтобы прийти в себя, я глотнул чая.

– Красиво сказала, но я все равно ничего не понял.

– Стат-программисты пытаются научить компьютер воспринимать окружающий мир так, как это делает биологический мозг. Не нужно путать это с созданием искусственного интеллекта. В стат-программировании речь идет не о мышлении, а только о восприятии. То есть стат-программа, используя периферийные устройства, должна заставить компьютер воспринимать любой предмет во всей полноте его проявлений. Понимаешь, можно просто сказать, что у тебя на столе лежит нож для резки бумаги, – Лоя взяла костяной нож, которым я недавно чай мешал. – Но когда я вижу этот нож, я, даже не думая о том, примерно оцениваю его вес и фактуру материала; могу предположить, из кости какого животного он сделан и сколько лет этому предмету; могу представить, удобно ли держать его в руке и как его можно использовать; к примеру, далеко ли он полетит, если его кинуть; обладает ли этот предмет запахом или какими-то иными особыми свойствами. Кроме того, при одном лишь упоминании об этом предмете у меня возникает набор самых разных ассоциаций. – Лоя приставила острие ножа к указательному пальцу левой руки, а другим указательным паль-

цем прижала его рукоятку. И взгляд ее сделался острым, как лезвие бритвы. – Например, я могу представить, как ты перемешиваешь им чай.

Ну, здорово! Она вспоминает меня, когда смотрит на ко-
стяной нож для бумаги! Быть может, стоит заказать десятка
полтора-два таких ножей и разложить их по всему офису на
видных местах? Чтобы Лоя вообще никогда обо мне не за-
бывала. Или это уже маразм?

– Дима! – Лоя помахала ножом перед моим носом. – Ты
вообще-то слышишь, что я тут говорю?

– Конечно! – уверенно соврал я. – Вот только не пойму,
зачем компьютеру воспринимать мир, как человеку?

– Не как человеку, а как любому живому существу. Ес-
ли бы человек неожиданно обрел способность воспринимать
мир вокруг себя, скажем, как стрекоза, он решил бы, что ока-
зался в ином измерении.

– Или спятил, – вставил Анс.

– Все: звуки, цвета, фактура предметов, ощущения дви-
жения воздуха, вкусовая гамма, – абсолютно все стало бы со-
вершенно иным. Но на самом-то деле изменился бы не мир,
а наше восприятие его. Мир остался тем же, что и прежде.

– То есть стат-программисты пытаются воссоздать объек-
тивную картину мира.

– Создать ее имитацию. В идеале, если подключить мой
мозг к компьютеру посредством стат-программы, я не долж-
на почувствовать никакой разницы между этим ножом, –

Лоя взмахнула ножом для бумаги, держа его двумя пальцами за кончик, – и его оцифрованной копией.

– Какой практический интерес может представлять эта работа? Ну, за исключением создания безумно огромной базы данных всего сущего.

– Насчет размеров ты сильно заблуждаешься. – Рукояткой ножа Лоя коснулась своего виска. – Мы вот здесь храним все свои знания о мире. Больше и не требуется. А применение стат-программ может быть самое различное. Например, можно заставить человека видеть мир не таким, как он есть. Не радикально, как в примере со стрекозой, а в деталях. Например, был человек либералом, а стал заядлым патриотом. Был атеистом, и вдруг истово в бога уверовал.

– Ага, управление сознанием.

– Это самый простейший пример.

– Но для этого нужно каждому под череп какой-то чип вживить?

– Дима, ты в каком веке живешь?

– Я разве не прав?

– С помощью специально созданных мемвирусов можно воздействовать на сознание человека через любые имеющиеся у него органы чувств. Это как инфракрасный порт в видеокамере. Мемвирусы можно создавать кустарно, чисто на интуиции, но, как правило, действие их непредсказуемо. Порой эффект оказывается прямо противоположным ожидаемому. Стат-программа дает практически стопроцентную га-

рантию защиты от подобных ошибок. Потому что человек получает не набор знаков и символов, которые, по расчетам разработчика мемвируса, должны вызвать у него ту или иную ответную реакцию, а новое мировосприятие. Предметы и ситуации остаются прежними, только оценивает он их теперь по-другому.

– Например?

– Если раньше ты, идя по улице, думал, что Градоначальник мог бы и получше следить за порядком в городе, то теперь считаешь, что нам очень повезло с Градоначальником, потому что он хоть что-то делает и мусор, по крайней мере, не громоздится горами. То есть ты уже не в Канзасе, а в частично виртуальной реальности, созданной твоим же сознанием. А посадить корректирующую стат-программу можно на любой информационный носитель. Хоть на ту же мемку для видеокамеры. Или в игровую приставку.

– Так, может...

– Вряд ли. Стат-программирование пока что находится в зачаточном состоянии. По большей части это лишь теоретические выкладки и размышления по поводу поиска путей. Прорыва, после которого можно будет серьезно говорить о практическом применении стат-программирования, пока не намечается.

– Так, с этим мы более или менее разобрались. – Я сделал глоток чая. Честно говоря, все, что я услышал, пока что плохо укладывалось у меня в голове. Но нужно было двигаться

дальше. – Про другое направление деятельности младшего Хуупа... Как там, бишь, ее?..

– Математическая теория сложных неустойчивых систем, – напомнила Лоя.

– Так вот про эту самую теорию лучше мне и не рассказывай, иначе мы до завтра отсюда не уйдем. Скажи лучше, как все это связано с украденной видеокамерой?

– Айну Хууп уже больше года работает по контракту в Раю. В Райском институте высоких технологий имени Святой Троицы.

– Да ты что! – Я откинулся на спинку кресла.

Вот уж действительно, новость так новость!

– Собственно, Хуупы для того и отправились в тур, чтобы сына навестить. Судя по тому, что тур был оплачен кредитной карточкой Айну Хуупа, он сам пригласил родителей приехать в гости. Ну, заодно и Рай с Адом посмотреть.

– А чем занимается Айну Хууп в этом райском институте?

– Вот этого я не знаю.

– Хуупы бывали у сына на работе?

– В описании своей поездки по Раю они это не указали.

Они гостили у него дома.

– Не думаю, чтобы их пустили в институт, – заметил Анс. – У святош очень строго с посещением любых госучреждений.

Я в задумчивости постучал пальцами по столешнице. Эх, говорила мне в детстве мама: «Учись, сынок, на пианиста...»

– Все равно, я пока не понимаю, как все это связано с видеокамерой?

– И почему спецслужбы Московии и Ада интересуются Хуупами? – добавил Анс.

– Если нам еще не звонили из Первого отдела безопасности Рая, то это вовсе не значит, что они ими не интересуются, – резонно заметила Лоя.

– А как насчет наших райских информаторов?

– Они не того уровня, чтобы добраться до Первого отдела. К тому же все они двурушничают. Назвав им фамилию Хууп, мы сами наведем на себя райские спецслужбы.

– Ну, если они следят за нами, то уже и без того знают, что мы работаем над их делом.

– Да, но они еще не знают, что мы ищем концы этого преступления в Раю.

– Тогда, Анс, на тебе спецслужба Ада. Попытайся разузнать у своих бывших коллег, чем их так притягивает пожилая эстонская чета?

– Попробую, – коротко кивнул Гамигин.

– Лоя, ты постарайся собрать всю информацию о Райском институте, в котором работает младший Хууп. Чем они там вообще занимаются?

– Без проблем.

Лоя сидела закинув ногу на ногу и смотрела на узкий, блестящий мысок черной кожаной туфли. И, глядя на нее, можно было подумать, что у демоницы действительно нет ника-

ких проблем.

– А я попробую что-нибудь разузнать у полковника Ма-
линина. Только нужно придумать, какую информацию скор-
мить ему взамен. Он ведь просто так ничего не делает.

– Расскажи ему о стат-программировании, – предложила
Лоя. – Скажи, что есть информация о том, что в Раю гото-
вятся серьезно раскручивать этот проект.

– А она есть? Информация?

– Найдем, если надо.

Тут можно было не сомневаться. Если потребуется, Лоя
любую информацию найдет. И подаст ее должным образом.
Если бы в свое время она была советником у Горбачева, то
никто бы по сей день не знал о том, что рухнул Советский
Союз. Увы, тогда Врат еще не существовало. Ангелы и демо-
ны подглядывали за нами, а мы об их существовании даже
не подозревали. Я имею в виду реальных ангелов и демонов,
а не героев библейских страшилок.

– И вот еще что, – я взял со стола коммуникатор. – У меня
есть запись с места преступления.

Глава 7

На записи, что выдал мне Толян, было прекрасно видно, как все произошло.

Хуупы взяли по порции блинов и сели за крайний столик. Ели они не торопясь, о чем-то разговаривая. Одно удовольствие было смотреть на людей, проживших многие годы вместе и все еще не утративших интерес друг к другу.

Краем глаза я посмотрел на Лою, передвинувшую свой стул поближе ко мне, чтобы видеть происходящее на экране. Смог бы я прожить всю жизнь вместе с ней? Честно сказать, не знаю. Но попробовать можно.

– Вот он!

На экране появился Макак в своем дурацком клетчатом костюме. Он шел странной, вихляющей походкой. Марта Хууп, помнится, сказала, что вор шел, как по раскачивающейся доске. Мне же его походка больше напоминала обезьянью. И я даже готов предположить, что именно из-за нее Макак получил свою кликуху.

Как-то раз я заинтересовался у Витьки Полутрупа, какого лешего Макак так вырывается на работу? Мог бы и поскромнее, не такой броский костюмчик выбрать. Полутруп ответил, что таким образом Макак, как профессионал своего дела, бросает вызов всем. И себе в первую очередь. Мол, вот он я, смотрите, я у всех на виду, все вы на меня пялитесь,

а я, все одно, что мне надо, уведу.

Видеокамера, как и говорили Хуупы, лежала на краю стола. Макак сначала раз прошелся мимо столика эстонцев – в одну сторону. Потом еще раз – в другую. Видно, примерялся да прицеливался. На третий раз он ловко перепрыгнул через низенькую загородку, отделявшую кафе от остального зала, схватил со стола камеру, прыгнул назад и дал деру.

– Ловкий малец, – улыбнулся Анс.

– Видел бы ты его труп с перерезанным горлом, – ответил я.

– Ладно, мальчики. – Лоя поднялась на ноги. – Вы смотрите кино, а я пойду займусь Райским институтом. Нужно подготовить информацию для любимого чекиста Дмитрия Каштакова.

Легко, почти неуловимо коснувшись кончиками пальцев моего плеча, Лоя порхнула к выходу. А я смотрел ей вслед, едва не сопя от восторга и умиления. И плечо у меня горело так, будто на нем тавро выжгли. С красивым таким вензельком ЛР.

– Ты видел? – зашептал я Ансу, едва только Лоя вышла из кабинета. – Ты видел?

– Да нет, пока ничего интересного. – Гамигин тупо пялился в экран.

– Она погладила меня по плечу!

– Кто?

– Лоя!

– Ну-у...

– И это все, что ты можешь сказать?

– Я должен сказать что-то еще?

– Это ведь была твоя идея?

– Украсть у эстонцев видеокамеру?

Все!

Гамигин ушел в глубокую несознанку!

Вытащил меня из моей уютной квартиры, где я с таким удовольствием пил разбавленный тоником джин под «Weather Report», а теперь прикидывается, будто знать ничего не знает.

– Ну-ка, давай отмотаем назад.

Из записи камеры наблюдения мы вырезали интересующий нас эпизод – от того момента, когда на сцене впервые появляются Хуупы, до кадра, в котором Яан и Марта стоят и растерянно разводят руками, глядя вслед прихватившему их камеру Макаку, – и принялись просматривать его раз за разом, стараясь увидеть хоть что-нибудь, хоть какую-то мелочь, которая могла бы привести на дельную мысль. Но пока лично я мог сказать лишь то, что мы смотрели не спектакль. Растерянность, а затем и отчаяние стариков, потерявших свои воспоминания, выглядели вполне естественно. Да и Макак четко работал, а не красовался перед камерой. Значит, это был не сговор и не подстава. А то, честно говоря, после того, как я увидел Макака в луже собственной крови и поговорил с полковником Малининым, у меня начало закра-

диваться смутное подозрение, что таким образом была проведена заранее спланированная передача информации. А к нам эстонцы пришли лишь за тем, чтобы окончательно снять с себя всякие подозрения. Ситуация ведь была тупиковая. Макак был очень заметной фигурой, отыскать его не составляло никакого труда. Но убийство его обрубilo все концы. Причем, сделано это было едва ли не демонстративно. Вот и все, ребята! Кто дальше пойдет – тот и сам пропадет. Вам это надо?

Вообще-то, я и сам не мог понять, что мне надо?

Но в данный момент мне не давал покоя другой вопрос: что заставило Макака пойти на преступление? Ведь знал же он, не мог не знать, что его через день загребут. И отвечать придется перед всеми. Начиная с меня и заканчивая Соломоном. Который даже и спрашивать ни о чем не станет. Сергею Викентьевичу что, заняться больше нечем, как только на всяких там Макаков время тратить?

– Ну-ка, верни еще раз назад, – попросил Анс.

Я перекинул изображение к тому моменту, когда в кадре появляются Хуупы.

– Смотри сюда. – Анс указал пальцем на верхний левый угол экрана.

Хуупы сделали заказ в блинной и сели за столик.

А в том месте, куда указывал Гамигин, в кадре появился мужчина в светло-серой ветровке и широких джинсах. На голове бейсболка, козырьком закрывающая лицо. На ту-

лье бейсболки какой-то фирменный логотип, но изображение нечеткое и рассмотреть его как следует невозможно. В отличие от прочих посетителей торгового центра, мужчина шел не торопясь, будто прогуливаясь. Руки глубоко засунуты в карманы ветровки. Оказавшись напротив Хуупов, он остановился и стал рассматривать витрину. Затем переместился к следующему отделу. Вернулся назад. Мимо него своей фирменной вихляющей походочкой продефилировал Макак. Человек в бейсболке снова вернулся к витрине, которую всю уже, казалось, изучил. Макак прошмыгнул в обратную сторону. Незнакомец достал из кармана коммуникатор и приложил его к уху. Почему-то у меня складывалось впечатление, что он лишь делает вид, что разговаривает с кем-то по телефону. И вот наступает кульминация. Макак прыгает через ограждение и хватает видеокамеру. Еще никто ничего не успел понять. Но человек в бейсболке замирает с коммуникатором, прижатым к уху. Черт возьми! Я не видел его лица, но готов был поклясться, что он внимательно наблюдает за каждым движением вора! Макак перепрыгивает обратно через загородку и исчезает в толпе. Незнакомец в бейсболке убирает коммуникатор в карман и быстро удаляется в том же направлении.

– Он наблюдал за эстонцами!..

– И точно знал, что должно произойти!..

– Это либо заказчик!..

– Либо представитель заказчика!..

Мы с Ансом говорили одновременно, пытаясь угнаться за мыслью напарника.

Да!

Мы нашли то, чего нам так не хватало. Ниточку – единственную уцелевшую после того, как с убийством Макака все прочие оказались отрублены. След, который мог привести нас к тем, у кого находилась камера Хуупов. И не исключено, что мы видели на экране убийцу Макака.

– Вот только лица не видно!

– Ну-ка, постой.

Анс сам положил палец на джойстик и начал медленно отматывать изображение назад.

Макак вернулся к столику эстонцев, вернул им камеру и, пятясь, удалился. Незнакомец убрал коммуникатор в карман и повернулся к витрине. Затем перешел к другой.

Анс включил раскадровку эпизода. На экран высыпало около полусотни картинок. Демон увеличил сначала одну. Затем ту, что опережала ее на три кадра. Вернулся на кадр назад.

– Вот оно!

Я присмотрелся к тому, что было на экране.

Да уж! У демона не глаз, а телескоп Хаббл!

В оформлении витрины были использованы серебристые зеркальные полосы. И в одной из них, тянущихся по низу, в какой-то момент отразилось лицо наблюдавшего за эстонцами и Макаком незнакомца в бейсболке. Естествен-

но, простым глазом можно было рассмотреть только мутное, расплывчатое пятно, напоминающее отпечаток пальца. Но используя профессиональные программы обработки фотоизображения, можно было надеяться улучшить качество изображения настолько, что удастся разглядеть лицо подозреваемого. Сам я в этом деле не мастак, но у Гамигина рука набита.

Это была маленькая, но победа. Преступник прокололся всего в одном месте, и мы, вернее, Анс заметил этот прокол. Теперь нужно было просунуть в этот прокол иглу и стянуть все суровой, крепкой ниткой.

Интересно, смогли ли чекисты опознать подозреваемого? У них ведь имеется точно такая же запись.

Анс скинул изображение на флешку, посмотрел на меня как-то странно, подмигнул и удалился. Пошел делом заниматься.

Я допил чай и набрал номер полковника Малинина.

Высокопоставленный чекист ответил только после шестого гудка.

– Ну, что тебе, Каштаков?

Это его традиционное приветствие.

Однако ж, если бы ему ничего не было от меня нужно, он бы вообще не ответил на звонок.

– Вячеслав Семенович, надо бы словечком перемолвиться.

– О чем?

– Не телефонный разговор.

– Я постоянно веду не телефонные разговоры. С кем попало и черт знает о чем.

– Со мной разговаривать вам будет интересно.

– Уверен?

– Вы уже просмотрели запись из ГУМа?

– На фиг мне ее смотреть? У меня для этого сотрудники имеются.

– И что высмотрели ваши сотрудники?

Пауза.

Полковник Малинин, должно быть, чешет в затылке. Или ложечкой с государственным гербом мешает чай в стакане с мельхиоровым подстаканником. На котором орлы, звезды да кресты православные. Вперемешку. Как мысли в голове у чекиста. Он сейчас старается понять, на чем я его подловить пытаюсь. А значит, его хваленые специалисты ни черта на конфискованной в ГУМе записи не увидели. Выходит, все Малининские чекисты не чета одному моему Ансу. Ну и Лое, конечно. Про Лою тоже нельзя забывать. Ни в коем случае.

– Ты, короче, Каштаков, давай-ка не финти. Говори прямо, что нарыл.

Примерно что-то подобное я и ожидал услышать. Чай, не первый день знакомы.

Ну я и сказал ему – с последней прямотой:

– У меня есть подозреваемый.

– Подозреваемый в чем?

Ай, молодца, полковник! Решил так просто выяснить, что мне известно.

Однако ж, я тоже вискарь не из наперстка хлебаю.

– Во всем сразу!

Малинин молчит.

А мне кажется, я слышу, как звякает гербовая ложечка о края стакана.

– Если ты, Каштаков, имеешь в виду того обормота, что камеру у эстонцев стырил...

– Я имею в виду того, кто стоит за этим преступлением. И кто, быть может, убил Макака.

– Что-что-что-что-что? – зачастил полковник.

– Я же говорю, нам нужно обмениваться информацией.

На этот раз он ответил сразу – значит, решение уже созрело.

– Ладно. Через два часа на обычном месте.

И все.

В телефоне короткие гудки.

– И вам всего хорошего, Вячеслав Семенович, – улыбаясь, произнес я в плакающую трубку.

Отлично. Полковник Малинин у меня на крючке. Глядишь, удастся вытянуть из него какую информацию. По крайней мере, он мне должен объяснить, почему НКГБ проявляет интерес к паре туристов-пенсионеров из Эстонии.

Глава 8

С пустой кружкой в руке я вышел из кабинета.

Но вместо того, чтобы повернуть направо, где за перегородкой у нас была спрятана маленькая кухонька, я почему-то свернул налево. Словно меня что-то потянуло туда. И, пройдя мимо стойки, за которой кто-то из нас обычно встречал посетителей, и встроенного в стену гардероба, я оказался в кабинете, где работала Лоя.

С пустой кружкой в руке.

Лоя сидела спиной к двери. На голове у нее был гипершлем, темным пластиковым забралом закрывающий верхнюю часть лица. Руки были чуть приподняты над столом. Пальцы порхали над невидимой со стороны виртуальной клавиатурой. На столе перед Лоей стоял сорокашестидюймовый трехмерный монитор, на экране которого творилось черт знает что. Прыгали какие-то разноцветные фигурки, сыпались цифры, по-змеиному извивающиеся линии уползали из ниоткуда в никуда. И все это в полной тишине. Хотя, наверное, в гипершлеме, используемом для глубокого погружения в виртуальную реальность, имелось и звуковое сопровождение. Сам я этим никогда не пользовался. Не по мне это было. Мне казалось, что шлем превратит меня в периферийное устройство компьютера.

Я уже собирался тихо и незаметно уйти, чтобы не мешать

Лое, как вдруг она сама сдернула с головы шлем.

– Ангела в душу!

Все, что плыло по экрану, будто потеряв опору, обрушилось вниз.

Лоя, как правило, не употребляла крепких выражений. Они служили для нее отдушинами только в самых критических ситуациях. Услыхав, как она выругалась, я понял, что оказался в неподходящем месте, в совсем неподходящее время. Не знаю, что уж там случилось в виртуальном пространстве, но, как только Лоя обернется и увидит меня, все ее негативные эмоции окажутся подсознательно связаны с моим обликом. Чтобы понравиться женщине, нужно угощать ее шоколадом. Даже если женщина страдает избыточным весом. Сей факт известен всем и неоспорим. А я еще могу к этому добавить, что для того, чтобы женщина тебя возненавидела, нужно застать ее в тот момент, когда у нее что-то не получается.

Я медленно, ступая на носки, попятился назад. У меня еще оставалась слабая надежда, что мне удастся незаметно скрыться.

Лоя обеими руками откинула назад ярко-рыжие волосы и усмехнулась.

– Можешь не стараться. Я вижу твое отражение на экране.

– Извини, – только и нашел, что сказать, я.

– За что? – вместе с вращающимся стулом Лоя развернулась ко мне лицом.

– Я помешал тебе.

– Не ты, – тряхнула волосами Лоя. И мне показалось, что солнечные зайчики запрыгали по углам комнаты. – Я не смогла взломать систему безопасности Райского института высоких технологий.

– Ты пыталась залезть на их сервер?

– Да. Но у них там такая стена, что можно голову разбить. Более того, они заметили меня и пустили по моему следу «бигглей». Если бы я сразу не отключилась от сети, они грохнули бы нашу систему. И им стало бы известно, кто пытался взломать их сервер.

– Нынче все заботятся о безопасности своей информации, – глубокомысленно заметил я.

– Не до такой степени, – снова тряхнула головой Лоя. – На то, чтобы установить и поддерживать в рабочем состоянии такую защиту, с какой я столкнулась, уйдет бюджет среднего госинститута.

– Значит, Райский институт имеет хорошее финансирование.

– Не просто хорошее, а очень хорошее. Либо работает под прикрытием спецслужб.

Лоя слегка прищурилась.

Все ясно – версию о причастности спецслужб она считала главной. И ей даже доказательства были не нужны. Или они у нее уже имелись.

– А чем официально занимается этот институт?

– О! Он совершает множество полезных и нужных открытий! – Лоя даже не пыталась скрыть иронию. – Вот, например, – она взмахнула рукой над клавиатурой, а другой начала быстро выхватывать вылетающие из принтера листки. Зачитав название, она перебрасывала листок мне. – «Усовершенствованная система автоматического управления гидропонной плантацией». «Виртуальное тестирование качества синтетического корма для разводимых в неволе кальмаров». «Теория повышения всхожести и прорастаемости грибов вида *Agaricus xanthodermus*». «Система удаленного наведения нанопрепаратов при лечении воспалительных процессов в печени и толстом кишечнике». О! Вот это мне особенно нравится! «Зависимость толщины слоя синтетического уплотнителя бюстгальтера от размера и формы женской груди»...

– Довольно! – взмолился я. Я не мог справиться со всеми этими бумагами одной рукой – в другой у меня была кружка, с которой я шел за чаем. – Скажи просто: этот институт занимается полной фигней. То есть имитирует серьезную научную деятельность.

– Ты не прав, – снова повернулась ко мне Лоя. – Все это очень серьезные и нужные проекты. Но для того, чтобы заниматься разработкой подобных программ, не требуются специалисты уровня Айну Хуупа. А между тем, за последние полтора года Райский институт высоких технологий привлек в свои ряды целую группу высококлассных и, заметь, очень высоко оплачиваемых ученых. – Лоя протянула мне

еще один распечатанный листок. – Не технарей, а Ученых с большой буквы. Каждый из них – звезда мирового уровня.

Я побежал глазами список, в котором было двадцать четыре имени.

Александр Канышев, Ирвин Сейт, Чон Пак У, Ричард Чан, Сергей Шепилов, Чандра Бихаршмурти...

Черт возьми, может быть, все эти ребята были гениями, но мне их имена ничего не говорили. Ровным счетом. Вот если бы один из них умел играть на саксофоне на уровне, позволяющем выйти на сцену перед зрительным залом, тогда я наверняка хотя бы слышал о нем.

– Ну и чем отличились все эти гении?

– Не вдаваясь в подробности, скажу, что каждый из них сделал серьезное открытие в области, так или иначе связанной с теорией виртуальной реальности.

– Напомни, в чем ее суть?

– В том, что виртуальная реальность может беспрдельно совершенствоваться. И в конце концов станет неотличима от так называемой реальности-ноль. То есть от мира, в котором мы сейчас живем.

– А почему эти умники называют наш мир реальностью-ноль?

– Потому что уровень восприятия реальности в нашем мире принимается условно за нулевую отметку шкалы достоверности. Пока все варианты виртуальной реальности находятся на минусовом отрезке этой шкалы. Но каждая новая

разработка поднимается хотя бы чуточку выше предыдущей. И когда нулевая отметка окажется пройдена...

Лоя губами издала странный звук, похожий на тот, с которым вылетает пробка из бутылки, и взмахнула кончиками пальцев, как будто стряхнула с них капельки воды.

– Что тогда?

– Этого никто не знает.

– Так ты полагаешь, собрав воедино все силы, святоши намерены интенсифицировать этот процесс?

– Честно говоря, не вижу в этом смысла. Процесс приближения к реальности-ноль – это не вопрос завтрашнего дня. И это не гонка вооружений, не схватка за Луну и даже не золотая лихорадка. Поверь мне, Дима, оно того не стоит. А Райский институт высоких технологий прикупил себе в штат еще и пару десятков опять же высококласнейших специалистов по компьютерным играм – графиков, дизайнеров и программистов. А выпустили они за все это время лишь одну игру, – Лоя сделала паузу, после чего отчетливо артикулируя каждую букву произнесла: – «МИФОСКОП»!

О, да! «Мифоскоп» – это хит сезона. Про который знали все. Даже те, кто, в принципе, не интересуется компьютерными играми. Невозможно было не заметить, что на улицах города становится все больше людей с гарнитурами «Мифоскопа» на головах и взглядами, отрешенными от всего сущего. Это была новейшая, ультрасовременная и супермодная игра, основанная на виртуальной адаптации реальности.

Так говорилось в анонсах игры – на ролики можно было наткнуться где угодно. Больше я о ней ничего не знал.

– Согласись, выпуск виртуальных игр – довольно странное занятие для Института высоких технологий.

– Так чем же они тогда занимаются?

– Десерт? – приторно-сладко улыбнулась Лоя.

– Давай, – обреченно кивнул я.

Можно было не сомневаться, что под конец она припасла нечто такое, что заставит меня жестоко раскаяться в том, что я влез в это дело. А день, когда я встретил Яана и Марту Хуупов, станет самым кошмарным днем моей жизни.

– Во главе института стоит так называемый Директорат. В который входят трое святош. У каждого из них имеется ученая степень, а то и не одна. Но ни один из них ни дня не работал в научной области. Догадайся, выходцами из какого учреждения является эта троица?

– Первый отдел?

– Именно.

Я задумчиво посмотрел в пустую кружку.

Мне хотелось задать Лое множество вопросов. Но все они не имели ни малейшего отношения ни к Райскому институту высоких технологий, ни к Первому отделу безопасности рая. И даже виртуальную реальность они не затрагивали. Поэтому мне было как-то неудобно их озвучивать.

Вообще-то, я надеялся, что дело, за которое я взялся, окажется до смешного простым, и у меня будет куча времени

для того, чтобы разобраться с собственными проблемами.

– Какие у тебя планы?

– Поработаю с досье ученых и компьютерщиков, принятых на работу в Райский институт.

– А потом?

– Потом видно будет. А что?

– Ты всерьез решила уйти из агентства?

Лоя улыбнулась. Она умела так – улыбается вроде бы мило, по-доброму, а ты смотришь на нее и думаешь: к чему бы это? Что она замышляет?

– До тех пор, пока мы не закроем это дело, я в полном твоем распоряжении.

– Серьезно?

– Конечно.

– И я даже могу назначить тебе свидание?

– Попробуй.

В этот день и в этот час я был как-то не расположен ставить опыты над собой, рискуя заработать нервное расстройство. Мне ведь нужно было еще с полковником Малининым повидаться. А он невротиков не любит. Он считает, что, ежели человек постоянно дергается и по сторонам смотрит, значит, что-то скрывает. То, что причиной всему могут быть личные проблемы – этого Малинин не понимает.

Поэтому я сказал Лое:

– Пока, – и вышел из комнаты.

Вернувшись в кабинет, я сел в кресло и поставил на стол

кружку, с которой ходил за чаем. Которая так и осталась пустой.

Наверное, это к дождю, подумал я.

Хотя думать о плохом мне в этот миг совершенно не хотелось. Так же, как и о деле пожилых эстонцев. Настроение у меня было странное и неопределенное. Хотелось взмахнуть руками и взлететь, как птица, чтобы сверху отрешенно глядеть на все, что происходит на земле.

Ну, или хотя бы Фета почитать.

Глава 9

Вечерело.

Или лучше сказать, день клонился к закату.

Да как ни говори, все одно.

Одним словом, было еще светло. Хотя, день, можно сказать, уже прошел. Еще один чудный осенний день. Теплый и ясный, но при этом лишенный изнуряющей летней жары. Пешеходные дорожки в парке устилала желто-зеленая листва. Но деревья еще не сбросили все листья, а потому не казались устрашающе-голыми, похожими на скелеты неведомых существ с далеких планет. Или это только мне одному так казалось, когда я смотрел на деревья без листьев?

Я ждал полковника Малинина на нашем обычном месте – возле памятника героям Плевны. А его все не было.

Я съел мороженое. Разнял двух дерущихся мальчишек. Посмотрел, как старушка кормит голубей. Помог молодой, симпатичной мамаше спустить коляску по лесенке в подземный переход.

Малинина все не было.

Чекист просто-таки безбожно опаздывал. На сорок с лишним минут. Во-первых, это уже выходило за рамки приличия. Во-вторых, было совершенно на него не похоже.

Дважды я набирал его номер. Но Малинин на звонки не отвечал.

Либо случилось что-то чрезвычайное, либо...

Другого вариант у меня не было.

У полковника Малинина было множество недостатков, однако непунктуальность в их число не входила. К тому же полковника отличало эдакое старомодное мужицкое понятие о собственном достоинстве: если сказал, так сделал! На попятную он не шел никогда. Даже если ситуация того требовала.

Я уже начал подумывать, не купить ли мне газету, что уже граничило с легким сумасшествием, когда наконец появился Малинин. Причем, совершенно не с той стороны, откуда я его рассчитывал увидеть.

Он шел такой уверенной походкой, что ему можно было только позавидовать. Так, именно так ходят настоящие хозяева жизни! А не рабы обстоятельств. Одет он был в несколько старомодный, но сшитый с иголочки темно-синий костюм, какие любят надевать на пленарные заседания депутаты. В петличку был вставлен маленький бутончик белой розы. В руках он держал небольшую белую картонную коробку.

Последнее обстоятельство показалось мне особенно странным. Что бы это значило? Или лучше спросить, к чему бы это? Ходить с коробкой в руках – это не в правилах заслуженного чекиста Малинина.

Заметив меня, полковник помахал рукой.

Так, значит, коробка не тяжелая – он с легкостью держит

ее одной рукой.

– Привет, Каштаков! – Малинин улыбался так, будто и в самом деле был рад меня видеть.

– Здравствуйте, Вячеслав Семенович, – сдержанно поприветствовал его я.

– Ты чего такой серьезный? – насмешливо прищурился Малинин. – Живот болит? Али на ежа сел?

Это у него юмор такой. Тупой, зато беззлобный и вполне безобидный. Нужно только привыкнуть.

– Угощайся, Каштаков, а то заждался, небось.

Малинин открыл коробку.

Меня аж передернуло, когда я увидел, что в ней лежит.

Ненавижу мусорную кухню из уличного общепита. Но Малинин угощал от чистого сердца, так что отказываться было неудобно. К тому же в коробке лежали две шаурмы, следовательно, Малинин и для себя припас.

– Спасибо, Вячеслав Семенович.

Я опасливо взял теплую шаурму в руку и, не зная, что с ней делать, понюхал.

– Свежая, свежая, – заверил Малинин. – Только что на углу купил. Там у них ларек хороший. Да и меня они знают, так что мяса кладут от души.

Полковник взял в руку шаурму, а коробку кинул к подножью памятника. Малинин явно умел обращаться с подобного рода продуктами. Снял упаковку, обернул в салфетку, слизнул каплю вытекшего соуса и впился в шаурму зубами.

– Чье мясо? – поинтересовался я на всякий случай.

– А тебе не все равно? – довольно прочавкал Малинин. – Ты что, не православный?

– А при чем тут это? – удивился я.

– Раз в Московии живешь, следовательно – православный, – поставил диагноз Малинин. – Вне зависимости от возраста, расы, пола и вероисповедания.

– Да ну?

– Вот тебе и «да ну». Это, между прочим, новая концепция построения здорового гражданского общества. Газеты читать нужно, Каштаков! А ты, небось, только фильмы смотришь. Порнуху разную да боевики.

– Я джаз слушаю.

– Тоже не лучше! Джаз – это чуждая нам культура.

– Нам – это кому?

– Нам – это православным москвитянам.

– Я вообще-то не о том спрашивал. Я хотел узнать, какая связь между православием и сортом мяса?

– А, ну так православному-то все равно, что жрать. Если, конечно, не пост.

– А в пост свинину нельзя?

– В пост чего-то там точно нельзя. Только что именно, я не в курсе. Вон, – кивнул он на часовню, – сходи, у попа спроси.

– Может, в другой раз. Сейчас не актуально.

Я взял шаурму поудобнее и откусил маленький кусочек. На вкус оказалось очень даже неплохо. Намного лучше, чем

можно было ожидать. Должно быть, полковника Малинина в том ларьке действительно знали. В смысле, знали, кто он такой. И готовили ему особую шаурму. Полковничью.

– А что, у вас в комитете буфета нет?

– Почему это нет? Есть буфет. Хороший.

– Так чего же вы шаурмой питаетесь?

– Да, ты знаешь, в буфете этом еда, конечно, вкусная, да только очень уж пресная. Живот ею набиваешь, а не наедаешься. Понимаешь? Вкуса жизни не чувствуется.

Чтобы полковник Малинин как следует вкус жизни почувствовал, нужно будет как-нибудь угостить его шаурмой или хот-догом из ларька, где его не знают. Интересно, что он тогда скажет?

Малинин расправился с шаурмой, вытер губы салфеткой и довольно икнул.

– Ну, пойдем, что ли, пройдемся? – предложил он. – Что это ты ешь медленно?

– Зуб болит, – соврал я.

И откусил еще небольшой кусочек. Исключительно ради полковника Малинина.

– Понимаю, – кивнул он. – Зубы – дело противное. Я вот слышал, что у ежика всю жизнь новые зубы растут. Старые выпадают, а новые растут. Почему у человека не так? А, Каштаков?

– Наверное, потому что у человека мозг больше, – сказал я первое, что пришло в голову.

– А при чем тут мозг? – не понял Малинин.

– Много ресурсов на себя оттягивает. На зубы уже не остается.

Подумав, Малинин кивнул.

– Убедительно.

Мы шли по усеянной палой листвой аллее и беседовали, как старые добрые приятели.

Приятели мы с Малининым не были, но знали друг друга достаточно давно для того, чтобы говорить о всякой чепухе. Говорить ни о чем, это, между прочим, целое искусство. Попробуйте как-нибудь – сами убедитесь.

Но, как правило, наши пустопорожние беседы надолго не затягивались. Если мы встречались, то исключительно по делу, чтобы обменяться информацией. И после нескольких вводных фраз переходили к сути вопроса. А сегодня Малинин говорил и говорил, говорил и говорил, говорил и говорил... Сначала я подумал, что таким образом он извиняется за свое опоздание. Но потом сообразил – это он деликатно дает мне возможность с шаурмой управиться. Пришлось быстро доедать не сказать, что совсем уж невкусный, но крайне недietetический продукт. И, как только я кинул салфетку в урну, Малинин сразу перешел к делу:

– Ну, так что там у тебя, Каштаков?

Словно вспомнив вдруг, что мы вышли на аллею не ради того, чтобы насладиться красотами ранней осени, и даже не ради того, чтобы вкусить полковничью шаурму, я сунул руку

во внутренний карман пиджака. Но – замер. Картинно. Всем своим видом изображая нерешительность и сомнение.

– А что я получу взамен?

– Ты еще ничего не показал, – недовольно буркнул Малинин.

– Но я хотя бы сказал, что у меня есть, – напомнил я. – Фотография подозреваемого. А что у вас?

– Вкусная конфета. Такой вариант тебя устраивает?

– Не совсем.

– Я расскажу тебе про Хуупов.

– Это уже интересно.

Я достал из кармана конверт и торжественно вручил его чекисту.

Малинин нетерпеливо выдернул фотографию из конверта.

Я его не обманул – это действительно была фотография подозреваемого. Только не та, с которой Гамигин в данный момент пытался восстановить его внешность, а немного другая. На фотографии подозреваемый стоял лицом к камере. Вот только лица его не было видно из-за широкого козырька бейсболки.

– И что это за фигня?

– Это, господин полковник, не фигня, а фотография с места преступления. Человек сей очень внимательно наблюдал за тем, как небезызвестный всем нам, ныне покойный вор по кличке Макак увел видеокамеру у мирно вкушавшей мос-

ковские блины четы Хуупов. Так что, смею предположить, это либо сам заказчик, либо, что более вероятно, его представитель.

Малинин внимательно посмотрел на фотографию, хмыкнул и помахал ею, как веером.

– Ну, и кто это такой?

– А это уж вы сами выясните.

– Как же я выясню, если у этого типа на фотографии лица не видно?

– Ну, на то у вас и целый штат специалистов. Пусть еще разок-другой внимательно запись просмотрят. Может, я упустил чего. Хотя, как мне кажется, я выбрал лучший снимок.

– А откуда у тебя запись? – подозрительно прищурился Малинин.

– Скажу вам по секрету, Вячеслав Семенович, при наличии связей и денег, в Московии достать можно практически все что угодно.

– Это ты к чему? – по-чекистски недовольно нахмурился полковник.

– Это я ни к чему, – сразу от всего отказался я. – Вы спросили, я – ответил. Вот и все.

– Мне не нравятся такие ответы.

– Понимаю.

– Я люблю конкретику.

– К сожалению, конкретика нынче в дефиците.

Малинин еще раз взглянул на фотографию, сунул ее в

конверт и спрятал в карман.

– Так, Макака, говоришь, убили?

– Бедолага был жестоко зарезан в собственной квартире.

– Когда?

– Думаю, сегодня утром.

– Ты об этом тоже по своим каналам узнал?

– Нет. Лично стоял над хладным телом.

– А почему в милицию не заявил?

– Глубокое нервное потрясение выбило меня из колеи и заставило забыть обо всем на свете. Я только-только начал в себя приходить. Вид человека с перерезанным горлом, лежащего в луже собственной крови, это, скажу я вам, то еще зрелище! Не для слабонервных.

– А если серьезно?

– Я решил, что будет лучше, если заказчик кражи и убийства – а я почти не сомневаюсь в том, что это одно и то же лицо, – будет пребывать в уверенности, что нам о смерти Макака ничего не известно. В таком случае, он будет думать, что мы все еще ищем Макака, а не его. А Макаку, я думаю, все равно, отвезут его в морг сегодня или через пару дней.

– Резонно, – согласился полковник. – Хотя и против правил.

– Но вы же понимаете, что я действовал, исходя из лучших побуждений.

– Я-то понимаю.

– Ну, а кроме вас об этом, можно сказать, никто и не знает.

– Можно сказать? – покосился на меня Малинин. – Выходит, кто-то все же знает?

– Сотрудники моего агентства, конечно, в курсе происходящего.

О Полутрупе и его водиле я решил умолчать. А то ведь наедут чекисты на Витьку. Крепко наедут. И ведь, что самое главное, ни за что. И в следующий раз мне Витька Полутруп помогать уже не станет.

– А, эти твои демоны, – усмехнулся Малинин.

– А что тут смешного?

– Да так... Странно... Демоны работают частными детективами в Москве, – полковник хмыкнул и головой качнул. – Чудно.

– Оба моих сотрудника высококласные специалисты. И мастера своего дела. Между прочим, ваши сотруднички, как я полагаю, ничего интересного на записи камеры наблюдения не усмотрели. И Макака до сих пор не нашли.

– Ну, точно, Каштаков, ты за нас всю работу делаешь. Хочешь, куплю тебе за это кофе?

Мы как раз проходили мимо автомата, торгующего кофе.

– Нет, – отказался я.

– Ну, тогда я себе возьму.

Полковник подошел к автомату, кинул в него пару монет и достал пластиковый стаканчик.

– Неплохой кофеек, – сказал он, попробовав напиток.

– Теперь ваша очередь, господин полковник, – напомнил

я. – Рассказывайте, чего вы к Хуупам прицепились?

– Да не цеплялись мы к ним. – Малинин поморщился и сделал глоток кофе. – Так, краем глаза присматриваем. У них сын работает в одном райском заведении, которое с некоторых пор вызывает у нас интерес.

– Райский институт высоких технологий.

– Уже сам все разнюхал?

– Ну, от вас ведь пока дожدهшься.

– Так вот, есть у нас подозрение, что в Райском институте высоких технологий ведется разработка некоего нового сверхсекретного проекта, имеющего стратегическое значение.

Все эту белиберду Малинин выдал таким тоном, как будто сообщал мне страшную военную тайну.

– И это все?

– А что ты еще хотел от меня услышать, Каштаков?

– Ну, хотя бы, из какой области этот ваш сверхсекретный проект.

– Во-первых, не мой, а райский, – с несвойственной ему педантичностью поправил Малинин. – А, во-вторых, мы понятия не имеем, что творится за стенами этого Райского института. Святоши никого к нему и на пушечный выстрел не подпускают. А мы, между прочим, искали пути. Искали!

– Наверное, так же старательно, как и запись из ГУМа изучали.

– Зря ты так, Каштаков, право слово, зря. Мы, между про-

чим, свое дело знаем.

– Вы же, вроде, прежде со святошами на дружеской ноге были.

– Мы и сейчас не расплываемся. Да только святоши – они ведь такие, – Малинин сделал замысловатый жест рукой. – Себе на уме. Дружба, мол, дружбой, а государственные секреты – статья особая. И следует признать, система защиты этих самых государственных секретов у них очень хорошо поставлена.

– И вы решили, что пенсионеры сделают за вас всю грязную работу?

– Ну, не такая уж она и грязная, – улыбнулся чекист. – Можно подумать, ты занимаешься чем-то другим.

– У меня уровень другой.

– Это верно, – согласился Малинин. – Уровень у тебя низковат. Все больше мелкое ворье и обманутые наследники.

– Меня это устраивает.

– Ну и замечательно. Человек должен знать свое место.

– Почему тогда Хуупы пришли ко мне, а не к вам?

– Да потому что мы их не вербовали, – усмехнулся мне в лицо Малинин. – Понятно, Шерлок Холмс? Ни на нас, ни на кого другого Хуупы не работают. Они просто-напросто поехали к сынуле в гости. Ну, а мы, на всякий случай, решили за ними приглядеть. Мало ли чего может случиться. Обычная, штатная процедура. А вот когда они к тебе прибежали, тут уж мы, понятное дело, насторожились.

– То есть, вам теперь тоже нужна эта камера?

– Естественно! Куда больше, чем Хуупам! Ведь если кто-то среди бела дня, в центре ГУМа решил украсть у эстонцев камеру, то это значит... Что это значит, Каштаков?

– Значит, кому-то стало жутко интересно, как Хуупы провели отпуск.

– Примерно так, – кивнул Малинин. – А раз это кому-то очень интересно, так, значит, и нам не безразлично. Ты как, не собираешься от этого дела отказаться? А, Каштаков?

– Ну, если вы гарантируете, что Хуупы не работают ни на какую спецслужбу...

– Хуупы – безобиднейшие старики. Ты просто обязан им помочь, Каштаков!

– А на вашу помощь, господин полковник, я могу рассчитывать?

– Не могу сказать, что всегда и во всем... Но от ментов, которым ты своевременно о находке трупа не сообщил, я тебя прикрою. Держи!

Он протянул мне пустой пластиковый стакан из-под кофе.

Я автоматически взял стакан и только после этого спросил:

– Зачем?

– По дороге выбросишь, – усмехнулся чекист.

Это у него юмор такой. Чекистский.

Подводя общий итог, можно сказать, что день прошел так себе. Беготни было много, результативность – близкая к ну-

левой. Кое-какая информация имелась, но пока это были лишь разрозненные фрагменты, не желавшие складываться в единую картину. Самым неприятным моментом было то, что я прекрасно понимал: заказчик, получив мемори-карту из камеры Хуупов, вряд ли станет хранить ее в своей коллекции. Если кража была связана со стремлением избежать утечки информации, тогда мемка сразу же будет уничтожена. Шансы найти мемку целой сохранялись лишь в том случае, если кто-то организовал кражу камеры, с тем чтобы, наоборот, добыть интересующую его информацию.

Да и ситуация с Лоей тоже не прояснилась и не сдвинулась с мертвой точки. С одной стороны, она категорично заявляет, что уйдет, как только мы закончим это дело. С другой – ведет себя так, будто ей не хочется уходить. В общем, пока – полная неопределенность.

А потому я принял единственно верное в данной ситуации решение – пойти домой и как следует выспаться. Кто знает, будет ли у меня еще такой шанс в ближайшие дни?

Дрозд пролетел, чиркнув острым крылом по солнечному лучу, и сел на ветку.

Глава 10

Спал я крепко, почти без снов. Только под утро какая-то чушь привиделась. Вроде как сидел я под деревом на куче облетевших листьев. А на дереве – ни листочка. Только голые ветки, на которых висят странные плоды грушевидной формы, но почему-то голубого цвета. Я сижу себе, и вроде бы мне хорошо. Во всяком случае, ни тревоги, ни беспокойства я не ощущал. Как вдруг невесть откуда появляется полковник Малинин. Почему-то в генеральском парадном кителе. Весь в орденах, с саблей на боку. И фуражка у него с такой высокой тульей, что кажется, облака цепляет. А на фуражке – трехглавый орел! Или это Змей Горыныч? Я толком не рассмотрел. В одной руке у генерал-полковника щит, а в другой – меч. И тот и другой золотом отливают, блещут на солнце. Подходит ко мне заслуженный чекист Московии Вячеслав Степанович Малинин, оружие аккуратно на землю кладет, достает из кармана шаурму и, ни слова не говоря, начинает меня ею кормить. Ну а дальше все, как и положено в дурном сне. Я хочу бежать, но не могу с места сдвинуться. Ноги будто в густой кисель проваливаются. Хочу кричать – но не могу издать ни звука. Горло словно ватой забито. А Малинин вдруг ни с того ни с сего начинает стихи декламировать. И самое смешное, или кошмарное, что стихи эти я запомнил! Слово в слово!

Там, за бледными облаками,
Гусь на юг улетает с криком.
Двадцать тысяч ли пройдено нами,
Но лишь тех назовут смельчаками,
Кто дойдет до Стены Великой!

Пик вознесся над Люпаньшанем,
Ветер западный треплет знамена...
Мы с веревкой в руках решаем,
Как скрутить нам седого дракона.

Вот такая, понимаешь, бредятина.

Я ведь даже не знаю, что собой представляет этот самый Люпаньшань. Хотя могу предположить, что это что-то китайское. С другой стороны, что нынче не китайское? Разве что только стихи Пушкина.

Одним словом, я был несказанно рад, когда проснулся. И сразу, для поднятия настроения, сунул в музыкальный центр диск Зута Симса. И сделал звук погромче. После чего, напевая и пританцовывая в такт заводной музыке, включил на кухне чайник и отправился под душ.

Блям-блям! – нахально рассмеялся надо мной дверной звонок.

Вот так всегда! Не замечали? Только почувствуешь прилив хорошего настроения, только начнешь думать о чем-нибудь абстрактно-приятном, как тебе сразу по голове – блям-

блям! Хорошего настроения как не бывало.

Чертыхаясь, я вылез из-под душа, наскоро обтерся, накинул халат и пошлепал босыми пятками к двери.

С экрана камеры наблюдения мне жизнерадостно улыбался Гамигин. И чего он, спрашивается, с утра такой веселый? Не иначе как раскрыл преступление.

Я открыл дверь и мрачно кивнул:

– Привет. Заходи.

Переступив порог, демон остановился, широко расставив ноги, с гордым видом выпятил грудь и обеими руками закинул назад полы длинного кожаного плаща.

– Чаю хочешь?

Похоже, он ждал не такой вопрос.

– Ты плохо выглядишь.

– Естественно. Ты меня из-под душа вытащил. Я даже побриться не успел.

Запахнув с недовольным видом халат, я пошлепал на кухню.

Гамигин жил этажом выше. Но ведь ничто не мешало ему просто позвонить, если вдруг возник какой-то вопрос. Если же он, тем не менее, явился лично, значит, оно того стоило. У него были новости, и он ждал, когда я начну его расспрашивать. Но я был обижен на Анса за то, что он совершенно не желал помогать мне решать проблему с Лоей. Поэтому я демонстративно делал вид, что меня ничего не интересует. Вообще – ничего. Кроме чая. Ну и, может быть, еще бутер-

брода с помидором, сыром и чесноком.

Пока Гамигин топтался в прихожей, я успел заварить улунский красный чай, соорудить четыре вышеназванных бутерброда и сунуть их в микроволновку. Когда Анс, уже без плаща, вошел на кухню, я поставил перед ним чашку чая и тарелку с горячими бутербродами.

– Я не люблю чеснок, – сказал Гамигин.

– А я не люблю шаурму, – сказал я и взял самый большой бутерброд.

– При чем тут шаурма?

– Шаурмой меня вчера угощал полковник Малинин. Пришлось есть.

– Сочувствую, – улыбнулся Анс. – Что сказал полковник?

– Чекисты знают, что Айну Хууп – сотрудник Райского института высоких технологий. И подозревают, что святоши работают там над каким-то глубоко засекреченным стратегическим проектом. За стариками Хуупами они присматривали так, для порядка. Пока те не явились к нам в агентство.

– У чекистов есть хоть какие-то соображения насчет того, кто может стоять за похищением камеры?

– Откуда? – усмехнулся я. – Они ждут, что мы нароем.

Я взял второй бутерброд. И прежде чем откусить, от души одобрил перцем.

– В Службе специальных расследований примерно та же история. Они очень хотят узнать, чем занимается Райский институт, но понятия не имеют, как к нему подступиться.

Готовы щедро вознаградить за любую информацию.

– Понятное дело, – кивнул я. – А у Лои что?

Вопрос был задан не просто так, а с подтекстом. Я рассчитывал, что Анс вернется к теме наших с Лоей взаимоотношений и ее глупой идее покинуть агентство. Но вместо этого он сказал:

– У нее ничего не вышло.

– В каком смысле? – насторожился я.

– Она не смогла взломать защиту институтского сервера.

Говорит, что в одиночку нечего и пытаться.

– А что, можно взламывать чужие серваки компанией?

– Спроси у Лои. Я в этом плохо разбираюсь.

Я доел бутерброд, запил чаем и поставил пустую чашку на стол.

– Выходит, мы застряли, как состав на сортировочной. – Я сложил руки перед собой на столе и посмотрел Ансу в глаза. – Или все же есть какие-то соображения насчет того, в каком направлении двигаться?

Гамигин мог обмануть кого угодно, только не меня. Уж я-то его знал, как дискографию Майлза Дэвиса. Он точно что-то припрятал в рукаве. Если и не джокера, то уж хотя бы козырного валета.

– Ну, ладно, Анс, выкладывай, что у тебя? – не вытерпел я.

С каменным лицом Гамигин достал из карман конверт и протянул мне.

Несколько секунд я держал конверт в руке, пытаюсь уга-

дать, что в нем? А потом – а, какая разница! – быстро достал фотографию.

Это был черно-белый снимок отражения лица в серебристом обрамлении витрины. Изображение было нечеткое, расплывчатое, местами рассыпающееся на пиксельные квадратики. Но тем не менее Гамигин сделал почти невозможное – у нас была фотография подозреваемого, по которой его вполне можно было опознать. Лицо было мне незнакомо. Абсолютно. Однако бледная кожа, светлые, будто обесцвеченные волосы, круглые, как пятидесятирублевые монеты, глаза, губы бантиком, маленький, вздернутый носик – пойдите, скажите мне, что это не ангел!

Ангел, чтоб ему пусто было! Во всей своей ангельской красе!

Ну почему? Скажите мне, почему если где какая мерзость случится, так непременно рядом окажется ангел? А то и не один?

Я перевел взгляд на Анса.

Демон понял, о чем я думаю, и молча кивнул.

– Значит, это святоши решили подстраховаться, – я, как карту, кинул фотографию на стол. – В таком случае, мемку мы не найдем. Она уже в Раю или уничтожена.

– Скорее всего, – более осторожно выразился демон.

Что ж, бывают ситуации, в которых самый сильный ход – это положить короля на доску. Об этом знают даже начинающие шахматисты.

К несчастью, я играть в шахматы не умел. Я знал, как перемещаются по доске фигуры – но это ведь не игра. Если мне, к примеру, известен принцип, поднимающий самолет в воздух, то это еще не значит, что я могу называться пилотом.

– Нужно пробить святошу по базе данных Бюро регистраций.

– Лоя уже скачивает последние обновления.

Лоя!

Как же я мог о ней забыть?

Если дело будет закрыто, тогда и Лоя уйдет. Из агентства и из моей жизни. Окончательно и, быть может, навсегда. Меня такой вариант не устраивал. Сегодня я понимал это гораздо яснее и отчетливее, чем вчера. Поэтому я вскочил со стула и кинулся в спальню. Стараясь все же не проявлять при этом болезненную гиперактивность.

Гамигин проводил меня удивленным взглядом и потянулся за оставшимся на блюде бутербродом.

– У меня еще остался непроверенный источник информации! – сообщил я, надевая свежую рубашку.

– Угу, – меланхолично кивнул Гамигин, пережевывая бутерброд, который явно был ему не по вкусу. – Может, возьми меня с собой?

– Конечно! – с готовностью согласился я. – Мне наверняка потребуется помощь!

– Какого плана?

– Я еду в бандитское гнездо!

– Я думал, бандитские гнезда в Московии называются малинами. – Гамигин взял последний бутерброд. – Или хазами.

– Так было давно. Еще при Советском Союзе. Теперь это бандитские гнезда.

– Мне все равно, – не стал спорить демон. – Поедем на моей машине?

– Отлично! А то моя в ремонте.

– Который месяцц?

– Можно подумать, я нарочно ее расколотил! Я, между прочим, преследовал опасного преступника. Рецидивиста!

Благоразумно промолчав, Гамигин не стал ворошить болезненную для меня тему.

Я действительно преследовал на машине уголовника. И не понимаю, почему сей факт вызывает у Гамигина острый приступ скептицизма. И то, что сам преступник не ведал о том, что я его преследую, а потому ехал не торопясь, сути не меняет. Я находился в смертельной опасности. Беглому каторжнику нечего было терять, и сдаваться без боя он не собирался. Я сосредоточен. Напряжен. Все мои мысли – о предстоящей схватке, как вдруг какой-то криворукий ангел подрезает меня на своем белом, как первосортный кокаин, «Парадизе»! Чтобы избежать столкновения, я кручу руль влево. Кто-то бьет меня сзади в бампер, и я, понять ничего не успев, слетаю с акведучного моста. В общем, брали преступника уже без меня. А к моей элитной «Омеге» до сих пор запасных частей найти не могут. Ни в одном автосалоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.